

*Исторические
Авантюры*

БОРИС СОКОЛОВ

УБИЙСТВО БЕРИИ

**ФАЛЬШИВЫЕ
ДОПРОСЫ
ЛАВРЕНТИЯ
ПАВЛОВИЧА**

Борис Вадимович Соколов
Убийство Берии, или Фальшивые
допросы Лаврентия Павловича
Серия «Исторические авантюры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6374206

*Убийство Берии, или Фальшивые допросы Лаврентия Павловича.: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48588-8*

Аннотация

Книга Бориса Соколова посвящена драматическим событиям конца 40-х – начала 50-х гг. XX века. Целый ряд кремлевских заговоров и убийств привел к тому, что у руля государства встал одиозный Лаврентий Павлович Берия, задумавший за 30 лет до Горбачева провести свою Перестройку. Однако вскоре новоявленный диктатор был убит. На страну неотвратимо надвигалась хрущевская «оттепель».

В книге тесно сплелись уголовный и политический аспекты самых громких событий того времени: «дела врачей», смерти Сталина, заговора Хрущева... Лучшего чтения для любителей жанра политического детектива и не придумаешь.

Содержание

В поисках кронпринца	4
Падение Абакумова	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Вадимович Соколов

Убийство Берии, или Фальшивые допросы Лаврентия Павловича

В поисках кронпринца

Борьба против Берии, развернувшаяся после смерти Сталина, стала для Хрущева важным этапом восхождения к единоличной власти. Никита Сергеевич пустил в широкие партийные массы версию о том, что Лаврентий Павлович – это матерый враг народа, английский и мусаватистский шпион, готовивший заговор против партии и народа, да еще и развратник, каких поискать. Все эти тезисы впервые прозвучали на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г., посвященном разоблачению т. н. «заговора Берии», а затем были повторены в сообщении о суде над Берией и его сообщниками и о приведении приговора в исполнение.

А что же было на самом деле? Для того чтобы понять истоки так называемого «заговора Берии» (а на самом деле – заговора Хрущева и Маленкова против Берии), необходимо вернуться на несколько лет назад, в последние годы правления Сталина.

В октябре 1945 года Иосиф Виссарионович неожиданно ушел в длительный отпуск – вплоть до середины декабря и отправился в Сочи. Ходили слухи, что перед этим он перенес микроинфаркт или микроинсульт, но документальных доказательств этому нет. Вероятно, на Иосифа Виссарионовича большое впечатление произвел фильм Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», где болезнь царя служит для выявления подлинного лица «реакционного боярства». После того как Сталин надолго пропал из Москвы, в мировой прессе стали циркулировать слухи о его болезни и даже смерти и стал серьезно обсуждаться вопрос о возможных преемниках. На хозяйстве в Политбюро Иосиф Виссарионович оставил четверку из Молотова, Маленкова, Берии и Микояна. Именно в таком порядке убывал их рейтинг. Молотов был поставлен старшим, далее следовал заместитель Сталина по партии Маленков, затем – Берия, еще остававшийся наркомом внутренних дел и уже возглавивший атомный проект, а замыкал список Микоян, нарком внешней торговли, курировавший гражданские отрасли народного хозяйства. Когда Сталин обращался не к Молотову, а к остальным членам правящей четверки, то на первом месте в шифрограммах ставил Маленкова, за ним Берию, а в конце – Микояна. Интересно, что как раз в это же время происходили вооруженные выступления в иранском Азербайджане. Телеграммы о положении здесь глава компартии Азербайджана Багиров и командующий Закавказским военным округом генерал Масленников адресовали Молотову, Маленкову и Берии, Микоян же в число адресатов не входил.

После войны главная задача, которую решал Сталин, была проблема выбора преемника, который смог бы удержать все завоеванное в 1939–1945 годах и сохранить в стране коммунистический строй. Поскольку в годы Великой Отечественной войны был сделан упор на патриотизм русского народа, что отразилось, в частности, в знаменитом сталинском тосте за его здоровье, а также в свете развернутой после войны кампании по борьбе с «безродным космополитизмом» преемник мог быть только русским по национальности. Поэтому в этом качестве сразу же отпадали Лаврентий Берия и Анастас Микоян. Климент Ворошилов плохо показал себя еще во время финской войны, и Великая Отечественная подтвердила его ничтожные качества как руководителя. Поэтому как преемника Сталин его не рассматривал. Зато первым кандидатом на роль преемника казался Молотов, которого уже с начала 30-х годов воспринимали в качестве второго человека в стране после Сталина.

Главной целью эксперимента было проверить, годится ли Молотов на роль преемника. Сталин, которому вот-вот должно было стукнуть 67 (или 66, как считалось официально), все больше задумывался, что он не вечен и уже не за горами время, когда после его смерти власть должен будет взять кто-то другой. Трагический парадокс стареющего вождя заключался в том, что преемника он хотел бы иметь немногим хуже себя самого. Чтобы был умный, решительный, преданный безраздельно делу коммунизма, способный противостоять проклятым империалистам и если не сокрушить их, то, по крайней мере, еще дальше раздвинуть пределы советской империи. Но сам же Сталин, заботясь о сохранении собственной безраздельной власти, сделал все, чтобы людей с такими качествами в его окружении не осталось. Все соратники были тонкошеие и несамостоятельные, привыкшие ловить каждое сталинское слово. Да что слово – даже вздох или кашель. А уж если великий кормчий хмурил брови...

Между прочим, Молотов хорошо относился к творчеству Эйзенштейна. Именно по его инициативе после запрета «Бежина луга», 9 мая 1937 года было принято постановление Политбюро, предлагавшее главе комитета по кинематографии Б.З. Шумяцкому «использовать т. Эйзенштейна, дав ему задание (тему), предварительно утвердив его сценарий, текст и прочее». А во время памятного разбора Сталиным на встрече 26 февраля 1947 года с Эйзенштейном и Черкасовым второй серии фильма «Иван Грозный», вызвавшей гнев генералиссимуса, Молотов сделал довольно умеренные замечания. Он подчеркнул, что сделан упор на психологизм, на чрезмерное подчеркивание внутренних психологических противоречий и личных переживаний царя. Молотов также вспомнил Демьяна Бедного, отметив, что «исторические события надо показывать в правильном осмыслении. Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного «Богатыри». Демьян Бедный там издевался над крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным». Покойному Демьяну уже не повредишь, тем более что после «Богатырей» он исправился и с началом Великой Отечественной войны вернул себе благосклонность вождя, посмертно почтившего его выпуском собрания сочинений. А потому Вячеслав Михайлович предпочитал критиковать его, а не Эйзенштейна. Еще Молотов пожалел детей русских эмигрантов в Праге, о которых вдруг завел разговор Черкасов, заметив, что они никогда не были на Родине. Вячеслав Михайлович бодро отрапортовал по должности: «Мы сейчас даем широкую возможность возвращения детей в Россию» (притом, что кое-кто из их родителей отправился прямиком в ГУЛАГ – но об этом Молотов, естественно, умолчал). Словом, Молотов, чувствуется, искал любую возможность, чтобы не критиковать фильм Эйзенштейна, увести разговор на посторонние темы, хотя против сталинских оценок не возражал и поддакивал Иосифу Виссарионовичу, но очень в меру. И отказался читать сценарий на предмет поправок, заметив с улыбкой: «Нет, я работаю несколько по другой специальности. Пускай читает Большаков» (глава Комитета по кинематографии). И еще пошутил по поводу исполнения Черкасовым роли режиссера в новом фильме «Весна»: «И вот тут Черкасов сведет счеты со всеми режиссерами!» А один раз Молотов все-таки рискнул поправить Сталина, но поправил так, что лишь усилил аргумент Кобы. Сталин, чтобы доказать, что не надо торопиться с завершением «Ивана Грозного», привел в пример Эйзенштейну Репина, который работал над своими «Запорожцами» 11 лет. Вячеслав Михайлович поправил – 13 лет. Но Иосиф Виссарионович упрямо повторил – 11 лет. Даже возражение в подобном мелком вопросе он не терпел, по крайней мере, в присутствии беспартийной публики. После этого Молотов на всякий случай повторил, вслед за Ждановым, что «злоупотребление религиозными обрядами» в фильме «дает налет мистики, которую не нужно так сильно подчеркивать». Но в целом на обсуждении картины он был наименее кровожадным, хотя и защищать Эйзенштейна, пытаться доказать, что ряд претензий, предъявляемых картине, на самом деле беспочвенны, не рискнул. Вячеслав Михайлович чувствовал, что свою эпоху Грозного

режиссер во многом списал с эпохи Сталина. Возможно, Молотов и понял, что вождь устраивает ему и соратникам по Политбюро проверку в стиле Грозного. Но даже это знание не уберегло человека № 2 в советском руководстве от ряда роковых ошибок. Вячеслав Михайлович уже отвык действовать самостоятельно и в отсутствие прямых указаний Сталина не смог найти правильную линию во внешнеполитических делах, отвечавшую желанию генералиссимуса.

Все усиливавшиеся слухи о болезни и даже смерти советского вождя, в конце концов, начали сильно раздражать Сталина. Игра зашла слишком далеко и стала угрожать сталинскому престижу. Молотова же он стал подозревать в излишней уступчивости англичанам и американцам, чтобы им понравиться и тем увеличить шансы на признание в качестве сталинского наследника. 5 декабря Иосиф Виссарионович в шифровке, адресованной Молотову, Маленкову, Кагановичу и Берии, обрушился на Вячеслава Михайловича: «Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКВД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию газеты «Дейли Геральд» из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчет нашего правительства, насчет взаимоотношений членов правительства и насчет Сталина. Молотов мне ответил, что он считал, что следует относиться к иностранным корреспондентам более либерально и можно было бы пропускать корреспонденцию без особых строгостей. Я ответил, что это вредно для нашего государства. Молотов сказал, что он немедленно даст распоряжение восстановить строгую цензуру. Сегодня, однако, я читал в телеграммах ТАСС корреспонденцию московского корреспондента «Нью-Йорк Таймс», пропущенную отделом печати НКВД, где излагаются всякие клеветнические штуки насчет членов нашего правительства в более грубой форме, чем это имело место одно время во французской бульварной печати. На запрос Молотову по этому поводу Молотов ответил, что допущена ошибка. Я не знаю, однако, кто именно допустил ошибку. Если Молотов распорядился дня три назад навести строгую цензуру, а отдел печати НКВД не выполнил этого распоряжения, то надо привлечь к ответу отдел печати НКВД. Если же Молотов забыл распорядиться, то отдел печати НКВД ни при чем, и надо привлечь к ответу Молотова. Я прошу Вас заняться этим делом, так как нет гарантии, что не будет вновь пропущен отделом печати НКВД новый пасквиль на советское правительство. Я думаю, что нечего нам через ТАСС опровергать пасквили, публикуемые во французской печати, если отдел печати НКВД будет сам пропускать подобные пасквили из Москвы за границу».

На следующий день с подачи Молотова четверка отрапортовала, что во всем виноват стрелочник – заместитель заведующего отделом печати Горохов, не придавший должного значения злополучной телеграмме. Тут Сталина прорвало. 6 декабря Сталин обратился уже только к Маленкову, Берии и Микояну, игнорируя Молотова: «Вашу шифрограмму получил. Считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом пассивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, т. е. Молотова, с другой стороны. Что бы вы там ни писали, вы не можете отрицать, что Молотов читал в телеграммах ТАСС и корреспонденцию «Дейли Геральд», и сообщение «Нью-Йорк Таймс», и сообщение Рейтера. Молотов читал их раньше меня и не мог не заметить, что пасквили на советское правительство, содержащиеся в этих сообщениях, вредно отразятся на престиже и интересах нашего государства. Однако он не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не вмешался в это дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей фигурирование таких пасквилей, особенно после того, как он дал обещание иностранным корреспондентам насчет либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе это право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквили входят в план его работы?»

Присылая мне шифровку, вы рассчитывали, должно быть, замазать вопрос, дать по щекам стрелочнику Горохову и на этом кончить дело. Но вы ошиблись так же, как в истории всегда ошибались люди, старавшиеся замазать вопрос и добивавшиеся обычно обратных результатов. До вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем.

Эту шифровку я посылаю только вам трем. Я ее не послал Молотову, так как не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, копии ему не передавать».

После такой телеграммы вполне мог последовать арест. Все участники драмы это понимали. Маленков, Берия и Микоян уже предвкушали, что четверка превратится в тройку, а главный из потенциальных наследников разделит судьбу Зиновьева и Бухарина. 7 декабря тройка телеграфировала Сталину: «Вызвали Молотова к себе, прочли ему телеграмму полностью. Молотов, после некоторого раздумья, сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился.

Мы, со своей стороны, сказали Молотову об его ошибках:

1. Мы напомнили Молотову о его крупной ошибке в Лондоне, когда он на Совете министров (иностраных дел. – *Б. С.*) сдал позиции, отвоеванные Советским Союзом в Потсдаме и уступил нажиму англо-американцев, согласившись на обсуждение всех мирных договоров в составе 5 министров (с участием Франции и Китая. – *Б. С.*). Когда же ЦК ВКП(б) обязал Молотова исправить эту ошибку, то он, сославшись без всякой нужды на указания правительства, повел себя так, что в глазах иностранцев получилось, что Молотов за уступчивую политику, а советское правительство и Сталин неуступчивы (такая самовольная попытка Вячеслава Михайловича предстать в глазах западных партнеров добрым следователем, передав Сталину роль злого следователя, Иосифу Виссарионовичу ох как не понравилась. – *Б. С.*).

2. Мы привели Молотову другой пример, когда он противопоставил себя советскому правительству, высказав Гарриману свою личную уступчивую и невыгодную для нас позицию по вопросу голосования в Дальневосточной комиссии...

3. Мы сказали Молотову, что понадобилось вмешательство Сталина, чтобы он, Молотов, обратил внимание и реагировал на гнусные измышления, распускаемые о Советском правительстве «Рейтером», со ссылкой на парижское агентство и его московского корреспондента, и что даже после этого указания Молотов прошел мимо клеветнических телеграмм московских корреспондентов «Дейли Геральд» и «Нью-Йорк Таймс». Понадобилось снова вмешательство Сталина, хотя Молотов мог и должен был сам своевременно реагировать.

4. Мы указали Молотову, что он неправильно поступил, дав 7 ноября на банкете согласие на прием сыну Черчилля, который в это время находился в Москве, как корреспондент газеты, и хотел получить интервью у Молотова. Прием сына Черчилля не состоялся, так как мы высказались против.

5. Наконец, мы сказали Молотову, что все сделанные им ошибки за последний период, в том числе и ошибки в вопросах цензуры, идут в одном плане политики уступок англо-американцам и что в глазах иностранцев складывается мнение, что у Молотова своя политика, отличная от политики правительства и Сталина, и что с ним, Молотовым, можно сработаться.

Молотов заявил нам, что он допустил много ошибок, что он читал раньше Сталина гнусные измышления о советском правительстве, обязан был реагировать на них, но не сделал этого, что свои лондонские ошибки он осознал только в Москве.

Что же касается Вашего упрека в отношении нас троих, считаем необходимым сказать, что мы в своем вчерашнем ответе исходили из Вашего поручения в шифровке от 5 декабря выяснить, кто именно допустил ошибку по конкретному факту с пропуском телеграмм московского корреспондента «Нью-Йорк таймс», а также проверить правильность сообщения «Рейтер» от 3 декабря. Это нами было сделано и Вам сообщено. Может быть, нами не все было сделано, но не может быть и речи о замазывании вопроса с нашей стороны».

Вячеслав Михайлович почувствовал, что вот-вот его могут объявить матерым английским шпионом, и бросился каяться по полной программе. Пустил скупую наркомовскую слезу перед коллегами по коллективному руководству и отправил 7 декабря красноречивую телеграмму Сталину: «Познакомился с твоей шифровкой на имя Маленкова, Берия, Микояна. Считаю, что мною допущены серьезные политические ошибки в работе. К числу таких ошибок относится проявление в последнее время фальшивого либеральничанья в отношении московских инкоров. Сводки телеграмм инкоров, а также ТАСС я читаю и, конечно, обязан был понять недопустимость телеграмм, вроде телеграммы корреспондента «Дейли геральд» и др., но до твоего звонка об этом не принял мер, так как поддался настроению, что это не опасно для государства. Вижу, что это моя грубая, оппортунистическая ошибка, нанесящая вред государству. Признаю также недопустимость того, что я смазал свою вину за пропуск враждебных инкоровских телеграмм, переложив эту вину на второстепенных работников.

Твоя шифровка проверена глубоким недоверием ко мне, как большевику и человеку, что принимаю, как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое дороже моей жизни».

И вслед за покаянной телеграммой пришло сообщение, что Молотов добился успеха, убедив западных партнеров провести очередную встречу министров иностранных дел в Москве 15 декабря в составе тройки, т. е. без участия не только Китая, но и Франции, для обсуждения вопросов, имеющих актуальное значение для США, Великобритании и СССР. Сталин сразу смягчился. Его успокоило также то, что Молотов прослезился, а в покаянной телеграмме прямо дал понять, что его жизнь в руках вождя, и не пытался оправдаться. Значит, нет у него в душе стержня, сломался соратник и никогда не рискнет выступить против вождя, чтобы приблизить свое вступление в наследство. А вот тройка Маленков, Берия, Микоян, напротив, Сталина разочаровала. Они готовы огульно охаять чуть ли не все внешнеполитические достижения СССР, забывая, что к ним причастен не только глава НКВД, но, в первую очередь, сам Иосиф Виссарионович. И отказывались признать свои ошибки.

Поэтому Сталин ответил тройке 8 декабря короткой раздраженной шифровкой: «Вашу шифровку от 7 декабря получил. Шифровка производит неприятное впечатление ввиду наличия в ней ряда явно фальшивых положений. Кроме того, я не согласен с вашей трактовкой вопроса по существу. Подробности потом в Москве».

Но генсек не стал дожидаться возвращения в столицу, и в ночь с 8-го на 9 декабря отправил длинную шифрограмму, сначала озаглавленную «Для четверки». Но затем заголовок был исправлен на «Молотову для четверки». Доверие к Вячеславу Михайловичу как будто было частично восстановлено. Большое дело – вовремя поплакать.

Впрочем, вряд ли слезы Вячеслава Михайловича в чемлибо разубедили Сталина. Он-то знал, что Молотов – превосходный артист, не хуже своего племянника Бориса Чиркова, и, если надо, великолепно сыграет и слезы, и истерику.

«Дейли мэйл» еще 12 ноября 1945 года писала, со ссылкой на «хорошо осведомленные финские круги», будто «Сталин в закрытом письме, переданном на хранение в Президиум Верховного Совета, лично назвал Жданова своим преемником». При этом утверждалось,

что Жданов, находившийся тогда в Хельсинки в качестве председателя Союзной Контрольной комиссии по Финляндии, «является таким же анонимом, каким был Сталин, когда умер Ленин», и что «после Берии Жданов пользуется самыми широкими полномочиями в советской системе безопасности».

Сталин, убедившись в негодности Молотова в качестве верховного руководителя страны, как бы прислушался к мнению зарубежной прессы и обратил свое внимание на «анонима» Жданова. Раз Андрея Александровича на Западе сравнивают с ним, Сталиным, каким он был после смерти Ленина, есть надежда, что Жданов продолжит правильный курс и не капитулирует перед Англией и США. К тому же его сын Юрий должен жениться на дочери Сталина Светлане. Правда, оформление брака Юрия и Светланы затянулось, в том числе из-за того, что молодые не слишком симпатизировали друг другу. Свадьба состоялась только весной 1949 года, уже после смерти А.А. Жданова. Но осуществление этой комбинации Сталин начал еще при жизни предполагаемого преемника, рассчитывая тем самым привязать его к своей семье и исключить в будущем ревизию сталинского наследия и преследования против детей генералиссимуса. Другое дело, что после смерти Жданова его сын перестал быть привлекательным зятем для Сталина, и он достаточно спокойно воспринял их развод на исходе 1951 года.

В результате опалы Молотова на первый план вышла ленинградская команда во главе со Ждановым, взявшим на себя партию первой скрипки в борьбе с «безродными космополитами».

В результате вернувшийся из Финляндии Жданов 13 апреля 1946 года был назначен вторым секретарем ЦК, отвечавшим за идеологию и оргработу в партии. Маленков же 4 мая вообще лишился поста секретаря ЦК. Прежде курировавший организационные вопросы Георгий Максимилианович, пострадавший из-за дела о приеме на вооружение заведомо бракованных самолетов, стал теперь отвечать за организационные вопросы в правительственных структурах.

Маленков в тот момент не рассматривался Сталиным в качестве своего вероятного преемника. Хрущев в своих мемуарах засвидетельствовал, что Сталин хорошо сознавал полную ничтожность Маленкова в качестве публичной фигуры: «Маленков никогда не занимал собственной позиции, не играл собственной роли. Он всегда был на побегушках. Сталин довольно образно при беседах в узком кругу говорил о нем: «Это писарь. Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но организует людей. Это он сделает быстрее и лучше других, а на какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он не способен». Да он, по-моему, и не претендовал открыто на это. С Маленковым еще лет за пять до смерти Сталина, в Сочи, куда я както приехал по вызову Сталина, я однажды резко поговорил, обратив его внимание на то, что он не занимает своей позиции и проявляет бесхребетность в отношении Берии, а Берия издевается над ним. Тогда Маленков сказал мне, что он это знает, но не видит возможности, как поправить дело и избавиться от этого. Он считал, что ему быть вместе с Берией выгодно для его персоны. Впрочем, действительно так оно и было. Он поддерживал Берию, а Берия поддерживал Маленкова. Поэтому акции Маленкова и ценились высоко, хотя Сталин очень критически относился к его личным способностям руководителя».

Булганин? Булганин относился к Берии сдержанно, и когда я с ним говорил по этому вопросу и высказывал свое отрицательное отношение к Берии, он соглашался со мною.

Многие и сейчас думают, что Берия и после войны, до самой смерти Сталина, возглавлял органы государственной безопасности. Да и в строевой песне пограничных и внутренних войск пелось:

Чекисты мы, нам Родина доверила

Всегда беречь родной советский дом.
Вперед, за Сталиным ведет нас Берия,
Мы к зорям будущим уверенно идем.

Но песня песней, а послевоенная реальность, как мы убедились, была весьма далека от нее. На практике в тот период Лаврентий Павлович имел очень мало касательства к деятельности органов безопасности. Сталин действительно освободил Берию от поста главы НКВД, но только потому, что незадолго до этого, в августе 45-го, Лаврентий Павлович возглавил Спецкомитет, главной задачей которого стало скорейшее создание советской атомной бомбы. Глупо думать, будто Сталин перебрал Берию на этот пост для того, чтобы лишить его контроля над органами госбезопасности. Ведь наряду с поисками преемника создание атомной бомбы было главной задачей, которую Сталин решал в послевоенный период, чтобы достичь в этой сфере паритета США и утвердиться в качестве одной из двух мировых сверхдержав. Правда, реального паритета в ракетно-термоядерной сфере при жизни Сталина достичь не удалось.

Не было такого паритета и при Хрущеве. Он был достигнут только во времена Брежневца. Однако еще при жизни генералиссимуса, осенью 49-го, советская атомная бомба была уже испытана, что позволило Сталину чувствовать себя более уверенно на международной арене. А к моменту ареста Берии все было готово и к испытанию водородной бомбы.

Нет никаких сомнений, что Сталин назначил Берию главой Спецкомитета отнюдь не потому, что необходимо было устранить Лаврентия Павловича от контроля над органами безопасности. Просто генералиссимус не сомневался, что Лаврентий Павлович лучше других справится с этой сложной задачей.

Как мы убедились, принципиально вопрос об уходе Берии из НКВД и замене Меркулова во главе НКГБ был решен еще осенью 1945 года, причем Берия никак не пытался защитить своего протеже Меркулова и едва ли не был инициатором смещения Всеволода Николаевича, не стяжавшего лавров в борьбе с иностранным шпионажем. Сталин, однако, предпочел видеть руководителем органов госбезопасности не предлагаемого Берией Рясного, а Абакумова, с которым ему довелось тесно работать в годы войны, когда Виктор Семенович возглавлял военную контрразведку СМЕРШ. Само по себе такое решение не свидетельствовало о недоверии к Берии. Ведь после ухода из НКВД, в марте 1946 года, Лаврентий Павлович стал членом Политбюро. При этом он остался заместителем председателя Совета министров и в какой-то мере продолжал курировать органы госбезопасности. Если бы Сталин не доверял Берии и уж тем более если бы собирался в скором времени от него избавиться, то вряд ли бы сделал его полноправным членом Политбюро. Ведь не принадлежавших к оппозиции членов Политбюро вообще не принято было судить открытым судом. В то же время, Берия отнюдь не был единственным куратором органов, к тому же руководство атомным проектом оставляло мало времени для других дел. Да и кадровых вопросов ни в МВД, во главе которого был близкий к Маленкову Круглов, ни, что особенно важно, в МВД он теперь не решал. Абакумов же и Берия друг друга не любили, что не было секретом для Сталина. И Виктор Семенович, как мы увидим дальше, скорее всего, по собственной инициативе стал собирать компромат на Лаврентия Павловича, причем этот компромат довелось использовать уже Хрущеву.

Доверял ли в тот момент Сталин Берии или нет? Хрущев в мемуарах утверждал: «После войны, когда я стал часто встречаться со Сталиным, я все больше и больше чувствовал, что Сталин уже не доверяет Берии. Даже больше, чем не доверяет: он боится его. На чем был основан этот страх, мне тогда было непонятно. Позднее, когда вскрылась сталинская машина по уничтожению людей и все средства, брошенные на достижение этой цели, а ведь именно Берия управлял этими средствами и проводил нужные акции по поручению

Сталина, я понял, что Сталин, видимо, сделал вывод: если Берия делает это по его поручению с теми, на кого он указывает пальцем, то может это делать и по своей инициативе, по собственному выбору. Сталин боялся, как бы при случае такой выбор не пал на него. Поэтому он и убоился Берии. Конечно, он никому об этом не говорил. Но это становилось заметным». Далее он утверждает, что после войны из obsługi и охраны Сталина исчезли все грузины, которых там было прежде немалое количество. И исчезли, дескать, потому, что Сталин перестал доверять Берии.

Тут Никита Сергеевич, несомненно, лукавит. Грузины в сталинской охране и окружении никогда не преобладали, и вплоть до мая 1952 года личную охрану возглавлял белорус Николай Сидорович Власик. Тем более что Хрущев тут же сам и обесценивает аргумент об охранниках-грузинах, утверждая: «Так вот, когда его доверие к Берии было подорвано, все грузины враз исчезли. Сталин уже не доверял людям Берии. Но в результате своего болезненного состояния он не доверял уже и русскому обслуживающему персоналу, ибо его тоже подбирал Берия, который долгое время работал в органах госбезопасности, все кадры ему были известны, все перед ним подхалимничали, и ему легко было использовать этих людей в своих целях». Выходит, что и русских охранников подбирал Берия, и становится совсем непонятно, зачем Сталину вдруг понадобилось изгонять грузин.

Хрущев в мемуарах утверждал: «Резко усилила влияние Берии Великая Отечественная война. Он тогда возымел огромную силу. Сталин утрачивал над ним контроль, особенно в тяжелые месяцы нашего отступления на фронте. Берия постепенно стал грозой партийных кадров. Влиял он и на окружение Сталина. Там менялся обслуживающий персонал. Прежде лично у Сталина работали в основном русские. Подавальщицы и в войну остались русские, но появлялись и грузины. Шашлычник там какой-то жарил шашлыки, так он стал даже генералом, и с каждым моим приездом в Ставку я видел, как у него росли орденские колодки с лентами – свидетельство постоянных наградений за умение здорово жарить шашлык. Как-то Сталин заметил, что я присматриваюсь к колодкам на груди новоявленного генерала, но ничего не сказал, и я тоже промолчал.

А после войны – и говорить нечего! Берия стал членом Политбюро. Да и Маленков набрал силу, хотя у него периодически менялось занимаемое им положение и во время войны, и после войны. Однажды Сталин даже загнал его в Среднюю Азию. Тут-то Берия и подал ему руку помощи, а затем они стали неразлучны. Сталин у себя за обедом нередко называл их, как бы в шутку, двумя жуликами, но не в оскорбительном тоне, а вроде дружески: где, мол, пропадают эти два жулика? Тут без Берии буквально ничего уже нельзя было решить. Даже Сталину почти ничего нельзя было доложить, не заручившись поддержкой Берии. Все равно Берия, если станешь докладывать при нем, обязательно любое твоё дело обставит всяческими вопросами и контрвопросами, дискредитирует в глазах Сталина и провалит.

В то же время Берия не уважал и не ценил Маленкова, а преследовал в дружбе с ним личные цели. Он мне как-то сам сказал: «Слушай, Маленков – безвольный человек. Вообще козел, может внезапно прыгнуть, если его не придерживать. Поэтому я его и держу, хожу с ним. Зато он русский и культурный человек, может пригодиться при случае». «Пригодиться» было главным у Берии. Я-то с Маленковым и Булганиным дружил с той поры еще, когда работал в Московской парторганизации. Мы часто проводили тогда вместе выходные дни, вместе жили на даче. Поэтому, несмотря на то, что Маленков выказывал некоторую холуйскую наглость относительно меня во время войны, особенно когда Сталин проявлял недовольство мною, я с ним не порывал отношений».

Никита Сергеевич также признавался, что «к рубежу 50-х годов у меня уже сложилось мнение, что, когда умрет Сталин, нужно сделать все, чтобы не допустить Берии занять ведущее положение в партии. Иначе – конец партии! Я считал, что могла произойти утрата всех

завоеваний революции, так как Берия повернет развитие с социалистического на капиталистический путь. Такое у меня сложилось мнение».

Вот где собака зарыта! Чтобы оправдать последующий арест и убийство Лаврентия Павловича, Никита Сергеевич пишет в мемуарах, что Берия уже в первые послевоенные годы стремился к власти и тем самым вызывал недовольство и даже опасения со стороны Сталина. Но в подобное трудно поверить. Если бы Иосиф Виссарионович действительно подозревал бы Берию в намерении захватить власть, он бы его для начала арестовал, а потом расстрелял. Абакумова-то Сталин посадил за гораздо меньшие прегрешения – попытку «смазать» дело врачей-вредителей». И никакая незаменимость Лаврентия Павловича как руководителя атомного проекта его бы в данном случае не спасла. Сталин твердо верил, что незаменимых людей у нас нет. И с сожалением, но поставил бы во главе Спецкомитета какого-нибудь Сабурова или Шепилова.

Так что назначение Берии руководителем советского атомного проекта само по себе свидетельствовало о доверии к нему Сталина. Тем более, что по делам проекта ему пришлось выезжать в страны Восточной Европы, и в частности, в советскую оккупационную зону в Восточной Германии, откуда при желании легко можно было бы сбежать на Запад. Человека, которого он подозревал в заговоре, Сталин бы на должность со столь широкими полномочиями... И Берия должен был сознавать, что пока что Сталин ему доверяет. Вот если бы атомный проект постигла очевидная неудача (например, в какой-то момент преждевременно началась бы неконтролируемая цепная реакция и испытания закончились бы трагедией), то тогда, понимал Лаврентий Павлович, ему не сносить головы. Последует арест, а затем бессудный расстрел (или закрытый суд, если захотят пристегнуть к какому-нибудь заговору).

Сын Берии Серго утверждал, что отец не раз говорил ему, что после завершения атомного проекта (а потом – водородного проекта) Сталин его уничтожит. Но тут надо оговориться, что далеко не всему, сообщаемому Серго Лаврентьевичем, стоит верить. А данное сообщение никакими другими свидетельствами не подкрепляется. Логически же намерение уничтожить Берию после завершения атомного проекта выглядит совершенно странным и иррациональным. А Сталин в терроре, напротив, был вполне рационален и без нужды людей никогда не стрелял. А с чего ему вдруг понадобилось уничтожить Берию? Ведь даже успешно завершённый атомный проект несколько не увеличил бы политический вес Берии, хотя бы потому, что о реализации проекта и о том, что его возглавляет Лаврентий Павлович, в партии и стране знали считанные люди. Так что с завершением атомного проекта никакой новой опасности для Сталина со стороны Берии не должно было возникнуть. Главное же, с созданием советской атомной бомбы деятельность Спецкомитета отнюдь не завершилась. На очереди была водородная бомба, а дальше должно было начаться совершенствование ядерного и термоядерного оружия. Да еще необходимо было развивать ракетное оружие, над которым, в частности, трудился Серго Берия. Так что убивать Лаврентия Павловича, пока он был во главе Спецкомитета, Сталину не было никакого резона. Зачем убивать курицу, несущую золотые яйца, зачем устранять менеджера, показавшего свою эффективность?

В качестве аргумента в пользу того, что Сталин собирался в скором времени устранить Берию, нередко приводят мингрельское дело. Дальше мы еще скажем о нем. Пока же стоит отметить, что само это дело было инспирировано Сталиным для того, чтобы не допустить роста самостоятельности грузинской политической элиты и шире – на их примере показать элитам национальных республик, что их роль ограничена строгими рамками, определяемыми союзным Центром. И послал наводить порядок в Грузии именно Берию по двум причинам. Во-первых, Берия, как бывший глава грузинского ГПУ, а затем – глава коммунистов Грузии, хорошо знал обстановку в республике. Во-вторых, Лаврентию Павловичу пришлось

снимать с постов людей, которых он в свое время сам же и выдвигал, и Сталин, таким образом, хотел проверить его лояльность, и Берия эту проверку вполне успешно выдержал.

Весной 1946 года, вскоре после Пленума, на котором Маленков, как и Берия, был введен в состав Политбюро, позиции Георгия Максимилиановича серьезно пошатнулись. Это было связано с так называемым «делом авиаторов».

Это дело началось в феврале 1946 года, когда Василий Сталин сообщил отцу, что американские самолеты гораздо лучше советских, которые к тому же поступают в войска бракованными, с множеством недоделок, и массово гибнут в авариях. Абакумов как глава военной контрразведки начал расследовать проблему поставки в войска некачественной авиатехники. Вскоре он доложил Сталину, что в годы войны руководители Народного Комиссариата авиационной промышленности выпускали и, с согласия командования Военно-Воздушных Сил, поставляли на вооружение Красной Армии самолеты и моторы с заводским браком и серьезными конструктивно-производственными недоделками.

В результате происходило большое количество аварий и катастроф с гибелью летчиков, а на аэродромах не успевали ремонтировать авиатехнику, часть из которой приходила в полную негодность и подлежала списанию.

Абакумов попросил у Сталина санкцию на арест главкома ВВС А.А.Новикова, наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина, главного инженера ВВС А.К.Репина, члена военного совета ВВС Н.С. Шиманова, начальника главного управления заказов ВВС Н.П.Селезнева и начальников отделов управления кадров ЦК ВКП (б) А.В. Будникова и Г.М. Григоряна, курировавших авиапром.

Мотивировалось это тем, что на протяжении войны руководители авиапрома выпускали бракованную и конструктивно недоработанную продукцию и по сговору с командованием ВВС при молчаливом согласии курировавших поставки техники в ВВС работников ЦК партии протаскивали на вооружение Красной Армии бракованные самолеты. В результате в период с ноября 1942 года по февраль 1946 года в частях и учебных заведениях ВВС из-за недоброкачественной материальной части произошло свыше 45 тыс. невыходов самолетов на боевые задания, 756 аварий и 305 катастроф.

Однако Сталин не торопился выводить в расход руководство авиапрома и главкома ВВС. Ведь войну советская авиация все-таки выиграла, используя преимущественно те самолеты, которые поставлял наркомат авиационной промышленности. С другой стороны, начиналась «холодная война», в которой главным потенциальным противником становились США. А американская авиация обладала весьма значительным качественным, равно как и количественным превосходством над советской авиацией. В этих условиях особенно важным становилось повышение качества советской авиатехники. Сталин потребовал от Абакумова перепроверить собранные данные и выяснить масштабы злоупотреблений в авиапроме.

16 марта 1946 года была создана Государственная комиссия по ВВС во главе с заместителем министра Вооруженных Сил и членом Политбюро Н. А. Булганиным. В состав комиссии вошли секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, начальник Генштаба маршал А. В. Василевский, Главком Сухопутных войск маршал Г. К. Жуков, а также три маршала авиации – С. И. Руденко, К. А. Вершинин и А. Е. Голованов.

Комиссия первоначально проверяла показания, данные бывшим командующим 12-й Воздушной армией маршалом авиации С. А. Худяковым (настоящее имя – Арменак Ханферянц), арестованным еще в декабре 1945 года. Его обвиняли в шпионской связи с англичанами, в службе в дашнакском отряде в 1918 году и участии в расстреле 26 бакинских комиссаров, в проживании по фальшивым документам и в злоупотреблении служебным положением, выразившимся в незаконном присвоении трофейных ценностей в Германии и Маньчжурии... Примечательно, что ордер на арест маршала оформили лишь в марте 1946

года, а обвинение в измене Родине и злоупотреблении служебным положением предъявили 22 августа того же года. Арестован же он был в Чите еще 14 декабря 1945 года.

От Худякова были, среди прочих, взяты показания против Новикова. Худяков охотно показал, что командование ВВС принимало от наркомата авиапромышленности дефектные самолеты и моторы. Самому Сергею Александровичу это преступление все равно не инкриминировалось, и он надеялся, что помощь следствию ему зачтется. Тем не менее расстрела избежать Худякову не удалось. Его казнили 18 апреля 1950 года, а реабилитировали в августе 1954 года. Возможно, Сталин хотел использовать дело Худякова-Ханферянца против Анастаса Микояна, который также был одним из руководителей Бакинской коммуны в 1918 году, но счастливо избежал расстрела. При желании можно было бы пристегнуть и Берию, который тогда служил секретарем Бакинского Совета. Однако Берию в тот момент Сталин убирать явно не собирался. Да и с Микояном решил погодить. Так что Худякова судили и расстреляли в одиночку.

Но вернемся к делу авиаторов. В марте – апреле 1946-го были арестованы Шахурин, Репин, Селезнев, Шиманов, Будников и Григорян. В ночь с 22 на 23 апреля арестовали маршала Новикова.

В ходе следствия было установлено, что нарком Шахурин и другие работники наркомата в погоне за плановыми показателями, стремясь к перевыполнению плана, запускали в серийное производство самолеты и моторы, имевшие серьезные конструктивные недостатки.

По вине Шахурина запускались в серию самолеты и моторы, не прошедшие государственных и войсковых испытаний.

По негласной договоренности с Шахуриным главнокомандующий ВВС главный маршал авиации Новиков, стремясь быстрее пополнить потери боевой техники, принимал на вооружение бракованную технику.

По делу авиаторов были арестованы: народный комиссар авиационной промышленности генерал-полковник инженерно-авиационной службы Шахурин, командующий ВВС Красной Армии главный маршал авиации Новиков, заместитель командующего ВВС, главный инженер ВВС и начальник научно-испытательного института ВВС генерал-полковник инженерно-авиационной службы Репин, член Военного Совета ВВС генерал-полковник Шиманов, начальник Главного Управления заказов ВВС генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы Селезнев, начальники отделов Управления кадров ЦК ВКП(б) Будников и Григорян. Последние по линии партийных органов непосредственно контролировали производство авиатехники.

В ходе следствия все обвиняемые дали признательные показания.

Нарком Шахурин, в частности, заявил: «Я признаю, что антигосударственная практика поставок Военно-Воздушным Силам дефектных самолетов и моторов действительно существовала. Она приводила к тому, что в серийное производство запускались самолеты и моторы с серьезными конструкторскими дефектами, которые при массовом выпуске продукции устранить не удавалось, вследствие чего процент поставок ВВС дефектной материальной части увеличивался».

Маршал Новиков сообщил следствию: «Между мной и Шахуриным существовала семейственность и круговая порука. Шахурин неоднократно сговаривался со мной о том, чтобы я принимал от него бракованные самолеты и моторы, и эти просьбы Шахурина я в большинстве случаев удовлетворял».

Репин тоже покался: «Я не только не вел должной борьбы за высокое качество поставляемой Народным Комиссариатом авиационной промышленности самолетов и моторов, но в силу существовавшей в руководстве Военно-Воздушных Сил и Народном Комиссариате авиационной промышленности круговой поруки, семейственности и моих близких отноше-

ний с Шахуриным способствовал последнему протаскивать на вооружение ВВС бракованную авиационную технику».

Селезнев показал: «В практике совместной работы между руководством Военно-Воздушных Сил и Народным Комиссариатом авиационной промышленности создалась атмосфера круговой поруки. Именно в этих условиях родилась антигосударственная практика, при которой Шахурин выпускал недостаточно качественные самолеты, а руководители ВВС в лице Новикова, Шиманова и особенно Репина и меня протаскивали бракованную продукцию авиационной промышленности на вооружение ВВС».

Следствием было установлено, в частности, что был принят на вооружение трижды не выдержавший государственные испытания истребитель «Як-9у» с мотором «ВК-107а». Шахурин считал, что будет достаточно заводского испытания опытного образца. При этом нарком отрапортовал правительству, что самолет «Як-9у» успешно выдержал испытания и показал скорость 680 км в час, тогда как на самом деле первые 16 самолетов, выпущенных заводом № 61, оказались совершенно непригодными к боевому использованию. До заявленной же скорости в 660 км/час самолет далеко не дотягивал.

В дальнейшем выяснилось, что у самолета «Як-9у» крылу не хватало прочности, что неизбежно влекло к авариям и катастрофам. Самолет не имел пылефильтров, что приводило к преждевременному износу и выходу мотора из строя. Машина не была оснащена радиомачтой, из-за чего почти вдвое уменьшался радиус действия связи. Кроме того, плохо вентилировалась кабина летчика, что приводило к повышению в ней температуры до 45 градусов, что затрудняло работу экипажа.

В 1944 году Шиманов и Селезнев выезжали на завод № 301, где военпредом было забраковано около 100 самолетов «Як-9у», и распорядились продолжать приемку самолетов, несмотря на ряд недоделок. В воинские части было направлено около 4000 бракованных самолетов. На 2267 самолетах «Як-9у», поступивших в ВВС, из-за конструктивных и производственных недоделок пришлось вообще запретить полеты. Допрошенный в качестве свидетеля начальник отдела технической эксплуатации 2-й воздушной армии инженер-подполковник Н.Б. Гребенников показал: «За период с апреля 1945 г. по март месяц с.г. включительно в частях 2-й воздушной армии эксплуатировались 113 самолетов «Як-9у» с мотором «ВК-107а». При эксплуатации из-за конструктивных недоработок и производственных дефектов имели по самолету – 179 случаев дефектов и отказов, из которых 170 случаев привели к невыходу в полет и 2 случая к поломке самолетов, по мотору – 31 случай дефектов и отказов, которые привели к двум авариям самолетов, преждевременной съемке 21 мотора, 8 невыходам в полет».

Шахурину также инкриминировалось то, что в 1943 году он запустил в серийное производство с крупными недоделками самолет «Як-3» с мотором «ВК-105 ПФ», не прошедшим войсковых испытаний и не испытывавшимся на прочность, вследствие чего происходили аварии и катастрофы с человеческими жертвами.

Инженер-подполковник Жуков, начальник отдела эксплуатации и войскового ремонта 16-й воздушной армии, показал: «Крупными дефектами конструктивно-производственного порядка на самолетах «Як-3» явилось отставание верхней обшивки крыла. Подобные дефекты имели место на 40 % самолетов, имевшихся на вооружении в частях. Наличие таких дефектов у самолетов приводило к вскрытию обшивки в воздухе и неизбежно, в таких случаях, к авариям, поломкам, вынужденным посадкам и в ряде случаев катастрофам».

То же самое показали и другие свидетели. В 1945 году полеты на самолетах «Як-3» были запрещены.

Тем не менее, в конце 1945 года Шахурин обратился к Новикову с предложением принять на вооружение ВВС изготовленные авиационным заводом № 31 100 дефектных самолетов «Як-3» с мотором «ВК-107». Новиков решил, что принимать 100 заведомо бракован-

ных самолетов – это уже слишком. В результате нарком и главнокомандующий сошлись на 40 самолетах, причем 28 этих дефектных машин успело поступить в авиационные части.

Не лучше обстояло дело и с другими типами самолетов. Так, на самолетах «Ил-2» в 1942–1943 годах была выявлена непрочность обшивки крыльев из-за нарушения авиационной промышленностью технологии процесса производства. Кроме того, была обнаружена недостаточная прочность стыковых узлов крыльев самолета, в результате чего при эксплуатации самолетов «Ил-2» были случаи, когда в воздухе у самолетов отваливались крылья и происходили катастрофы, сопровождавшиеся гибелью экипажей. Заместитель главного инженера 15-й воздушной армии, инженер-подполковник Бодров показал на следствии: «Июнь – июль 1943 г. – в период подготовки нашего наступления, имел место массовый выход шасси самолетов «Ил-2» по причине течи гидросмеси из амортизационных стоек и трещин в стыковых гребенках. Для устранения этих дефектов были вызваны бригады с материалами и самолеты отремонтированы. Если бы вовремя это не было бы вскрыто и устранено, то в период нашего наступления армия оказалась бы, по существу, без штурмовой авиации».

Другой свидетель – начальник 7-го отдела Управления формирований и боевой подготовки ВВС полковник Мельников показал: «Самолет-штурмовик «Ил-2» поступил на вооружение в 1941 году. За время его эксплуатации только в строевых частях произошло 485 катастроф и аварий. И на этом типе самолета аварийность из-за конструктивно-производственных дефектов из года в год возрастала. Если в 1941 г. было 8 случаев катастроф и аварий, то в 1942 г. – 74 случая, в 1943 г. – 147 случаев, в 1944 г. – 133 случая и в 1945 г. – 123 случая». Следует учесть, что в 1945 году война продолжалась только четыре с половиной месяца, так что фактически частота катастроф по сравнению с 1944 годом увеличилась более чем вдвое.

Не лучше была ситуация и с истребителем «Як-3». У 40 процентов этих самолетов, поступивших в ВВС, произошли аварии из-за задиров верхней обшивки крыла на больших скоростях.

10 и 11 мая 1946 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе председательствующего, председателя Военной Коллегии Верховного Суда, генерал-полковника юстиции Ульриха и членов: генерал-майора юстиции Дмитриева и полковника юстиции Сольдина, при секретарях – подполковнике юстиции Почиталине и майоре юстиции Мазур в закрытом судебном заседании рассмотрела дело по обвинению Шахурин, Репина, Селезнева, Новикова, Шиманова, Будникова, Григоряна.

На суде подсудимые полностью признали свою вину. Выступая в ходе судебного заседания, Шахурин говорил: «Показания в ходе предварительного следствия я полностью подтверждаю. Я совершил приписываемые мне преступления в погоне за выполнением плана и графика, в погоне за количественными данными. Имея сигналы с фронтов Отечественной войны о дефектности наших самолетов, я не ставил в известность председателя Государственного Комитета Обороны и в этом самое мое тяжкое преступление. Я признаю, что 800 самолетов оказались совершенно негодными».

Ему вторил Репин: «Фронт требовал самолеты, и дефекты устранялись на месте. А там в результате гибли летчики».

А Шиманов уточнил: «Бракованных самолетов за время войны было принято около пяти тысяч. Шахурин создавал видимость, что авиационная промышленность выполняет производственную программу, и получал за это награды. Вместо того, чтобы доложить народному комиссару обороны, что самолеты разваливаются в воздухе, мы сидели на совещаниях и писали графики устранения дефектов на самолетах. Новиков и Репин преследовали лиц, которые сигнализировали о том, что в армию поступают негодные самолеты. Так, например, пострадал полковник Кац».

О том же говорил на суде и Селезнев: «Масса моторов выходила из строя. Беру на себя вину, что военпреды сдавали в части формально «годные», а на самом деле дефектные самолеты».

А маршал Новиков, признавая в целом свою вину, попытался хоть как-то оправдаться: «Командовал ВВС с апреля 1942 года по март 1946 г. Порочная система приемки самолетов существовала до меня.

На фронтах ощущался недостаток в самолетах, и это обстоятельство меня вынудило не реагировать на различного рода дефекты. В итоге я запутался. К тому же я не инженер, в силу чего ряд технических вопросов я просто недоучитывал.

Основным преступлением я считаю, что, зная о недостатках в самолетах и что эти недостатки накапливаются, я не доложил Ставке и наркому обороны и этим самым покрывал антигосударственную практику Шахурина».

Действительно, Новиков военно-технического образования не имел, да и в авиацию был переведен из пехоты в 1933 году – сразу начальником штаба авиабригады, так что летать на боевых самолетах ему вообще не доводилось.

Не выбился из общего покаянного хора на суде и Григорян: «Будучи заведующим отделом ЦК ВКП(б) по авиационному моторостроению, я знал, что бывший нарком авиационной промышленности Шахурин в погоне за количественными показателями выполнял планы выпуска авиационной техники, не обеспечивая ее надлежащего качества, в результате чего авиационная промышленность выпускала значительное количество недоброкачественных самолетов и моторов, имевших серьезные конструктивные недоделки и производственный брак.

Я виноват в том, что, зная, что Шахурин выпускал и поставлял на вооружение ВВС бракованные самолеты и моторы, не принимал мер к пресечению этой деятельности.

Различными поощрениями и подарками поставили меня, как и других работников авиационных отделов ЦК ВКП(б), в зависимое положение. Получил отдельную квартиру, представлялся Шахуриным к награждениям».

Другой представитель ЦК в авиапроме, Будников, тоже постарался свалить основную вину на Шахурина: «Получал сигналы, в частности во время подготовки наступления на Орловско-Курском направлении.

Дефекты были скрыты и выявлялись только на фронте.

Шахурин не занимался работой. Он не занимался с директорами. Он не занимался с людьми. Не было борьбы с браком».

В приговоре было отмечено, что «в системе Наркомата авиапромышленности и ВВС Советской Армии существовала антигосударственная практика, приводившая к тому, что на протяжении войны и в последний период... выпускались бракованные самолеты и авиамоторы, которые затем преступным путем протаскивались на вооружение авиационных частей».

Приговор примерно соответствовал положению подсудимых в военно-промышленной иерархии. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила: Шахурин – к 7 годам тюремного заключения, Репина – к 6 годам, Новикова – к 5 годам, Шиманова – к 4 годам, Селезнева – к 3 годам, Будникова и Григоряна – к 2 годам. Но вышли все осужденные на свободу только после смерти Сталина.

Был также наложен арест на имущество, лично принадлежавшее осужденным. Гражданский иск к ним был определен в сумме более 520 тыс. рублей. По ходатайству Военной Коллегии Верховного Суда СССР Президиум Верховного Совета СССР 20 мая 1946 года лишил Шахурина, Репина, Новикова и Селезнева воинских званий. Осужденные были лишены правительственных наград. В то же время, учитывая заслуги осужденных в годы

Великой Отечественной войны, Сталин дал указание приговорить их к не слишком большим срокам заключения.

В результате «дела авиаторов» Маленков, отвечавший в Политбюро за авиационную промышленность, был на несколько месяцев освобожден от работы в аппарате ЦК и направлен в командировку в Ташкент. Однако при этом он остался членом Политбюро и Оргбюро.

Существует мнение, что само «дело авиаторов» было затеяно Сталиным (или Абакумовым) именно для дискредитации Маленкова. Однако при ближайшем рассмотрении эту версию, оказывается, невозможно подкрепить фактами.

Начнем с того, что Абакумов никак не мог сам инициировать «дело авиаторов». Прерогатива начинать дела такого уровня, затрагивающие маршалов и министров, принадлежала Сталину, и здесь он никакой самостоятельности органов госбезопасности не допускал. А уж в случае с «делом авиаторов» 1946 года совершенно очевидно. Ведь Василий Сталин с критикой положения в авиации наверняка обратился не к Абакумову, а к своему отцу. А Сталина, конечно, очень волновало состояние советских ВВС. Ведь они становились одним из основных видов оружия в начинающейся «холодной войне». И вполне логично, что следствие он поручил не главе наркомата госбезопасности Меркулову, а главе военной контрразведки Абакумову. Судьбу Меркулова он решил еще в октябре 1945 года, и в феврале 1946 года его смещение с поста руководителя органов государственной безопасности было делом нескольких недель. Абакумов уже был намечен в качестве преемника Меркулова, и, естественно, Сталин поручил следствие по столь важному делу ему, а не Меркулову. Тем более что для этого был и формальный повод. В деле о поставках бракованной авиатехники большинство фигурантов были военными, представлявшими как руководство авиапрома, так и командование ВВС. Но совсем губить руководителей авиапрома и ВВС Сталин не собирался. Никакой угрозы для себя с их стороны он не видел и допускал, что они еще могут пригодиться. Поэтому назначил им довольно небольшие сроки заключения – так сказать, в воспитательных целях. Правда, тот же Новиков, например, так и просидел в тюрьме до смерти Сталина, хотя пятилетний срок его заключения истек еще в апреле 1951 года. Вероятно, Иосиф Виссарионович так и не успел решить, что с ним делать после освобождения. В последние годы жизни Сталин из-за резко ухудшившегося состояния здоровья работал гораздо медленнее, чем прежде, и до Новикова у него просто руки не дошли, а освободить маршала из заключения без сталинской команды боялись.

Также Сталин явно не собирался избавляться от Маленкова. Удаление Георгия Максимилиановича из Москвы на несколько месяцев носило чисто «воспитательный» характер. Сталин хотел дать урок и Новикову, и Шахурину, и Маленкову, и их подчиненным, чтобы они больше не занимались приписками и фальсификациями, чтобы не сообщали об успешных испытаниях, которых не было, и только. Никакого политического значения «дело авиаторов» не имело. Его значение было только военно-экономическим. Сталин захотел немного взбодрить собственный военно-промышленный комплекс.

То, что инкриминировалось подсудимым по «авиационному делу», они действительно совершали. И делали это, конечно, не с вредительскими целями, а только потому, что любой ценой хотели выполнить план. На следствии и суде они утверждали, что таким образом стремились приблизить победу в Великой Отечественной войне. На самом деле поставка бракованной техники в войска ни на йоту не приближала победу в войне, а вела только к бессмысленной гибели и увечьям летчиков. Бракованная же техника, если она не приходила в полную негодность в авариях или не могла быть отремонтирована на месте, возвращалась для капитального ремонта и устранения недоделок на авиационные заводы. Это, как ни странно, тоже было на руку авиапромышленности. Ведь техника, проходившая заводской ремонт, засчитывалась в выход готовой продукции. Получалось, что бракованные, тляп-ляп сделанные самолеты, на производство которых явно затрачивалось меньше времени, чем на про-

изводство нормальной, качественной техники, засчитывались еще вторично в выпуск готовой продукции, когда их приходилось ремонтировать. Таким образом, бракованная техника дважды помогала выполнять и перевыполнять планы. А в суровое военное время выполнение и перевыполнение планов означало не только премии и усиленные пайки как рабочим, так и руководителям. За невыполнение плана поставок боевой техники руководителям всех уровней, начиная с директоров завода и кончая членами ГКО, грозило снятие с должности и предание суду военного трибунала, который мог вынести любой приговор, вплоть до расстрела. Поэтому руководители были заинтересованы в выполнении планов любой ценой. И это касалось как директоров заводов, так и руководителей наркомата авиапромышленности, как военпредов на заводах, так и надзиравших за авиапромышленностью партийных чиновников и самого Маленкова. И между ними действовала круговая порука, на которую указывали материалы следствия и суда. А командование ВВС, постоянно нуждавшееся в пополнении авиатехникой из-за очень высокого уровня боевых и эксплуатационных потерь (многие самолеты разбивались из-за неопытности экипажей), готово было идти на компромисс с производителями и принимать на вооружение даже бракованную технику, если она не выглядела совсем уж безнадежной. При этом полагались на русский «авось» («авось не разобьется!»), да надеялись довести самолеты до кондиции в полевых условиях. К тому же те, кто принимал самолеты, зачастую, подобно маршалу Новикову, не имели технического образования и не могли оценить реальную опасность, которую представляли для летчиков некондиционные самолеты.

При реабилитации Шахурина, Новикова и других фигурантов «дела авиаторов» прокуратура отмечала, что «обвиняемые свои служебные обязанности выполняли добросовестно, а производственные дефекты в обстановке спешки, ажиотажа, отсутствия необходимых технологических условий были неизбежны и не могут быть поставлены в вину руководителям авиапрома и ВВС». Таким образом, фактически признавалось, что деяния, которые вменялись в вину Шахурину, Новикову и другим осужденным, представляли собой неизбежные пороки советской плановой системы. Ведь такое же положение наверняка существовало и в танковой промышленности, и в производстве боеприпасов, и в других отраслях военной промышленности. Если сажать всех виновных, некому будет руководить промышленностью. Маленков и Берия инициировали реабилитацию фигурантов «дела авиаторов» сразу же после смерти Сталина. Ведь это была реабилитация и самого Георгия Максимилиановича. А Лаврентий Павлович охотно поддержал своего союзника в Президиуме ЦК, не подозревая, что через каких-нибудь три месяца Маленков предаст его.

От «дела авиаторов» закономерно отпочковалось дело маршала Жукова. Во время следствия друг Жукова маршал Новиков написал письмо Сталину, где обвинял Жукова в зазнайстве и нескромности, в попытках приписать себе все победы в Великой Отечественной войне. После смерти Сталина Новиков писал новому министру внутренних дел Берии от 2 апреля 1953 года: «...Во время следствия меня несколько раз вызывал на допрос Абакумов. На этих допросах постоянно присутствовал следователь Лихачев. Абакумов ругал меня площадной бранью, унижал мое человеческое достоинство... угрожал расстрелом, арестом моей семьи... В присутствии следователя Лихачева он сказал, что я должен буду подписать составленное и отпечатанное заявление на имя Сталина... Лихачев давал мне подписывать по одному листу, и так я подписал это заявление... В этом заявлении приводились, как якобы известные мне факты, различные клеветнические вымыслы, компрометирующие... маршала Жукова... Абакумов на допросах в присутствии Лихачева неоднократно подробно меня спрашивал о моих встречах и разговорах с Жуковым и Серовым...»

Новиков знал, что Абакумов – враг Берии и уже находится под арестом. Вероятно, он также знал о том, что Жуков и Берия были в неплохих отношениях. Об этом пишет и сын бывшего шефа МВД Серго Берия: «В моей памяти Георгий Константинович остался близ-

ким другом отца и просто замечательным человеком... В марте 1953 года, когда Георгия Константиновича назначили первым заместителем министра обороны, помню его разговор с моим отцом, что его обязательно надо сделать министром. Пока, сказал отец, не получилось и надо подождать немного. «Ты, Георгий, – говорил отец, – не переживай. Кроме тебя, в этой должности никого не вижу»... Жуков в узком кругу называл политработников шпи-ками и не раз говорил у нас дома: «Сколько же можно их терпеть? Или мы не доверяем офицерам?» Отец успокаивал: «Подожди, сразу ломать нельзя. Мы с тобой, поверь, не устоим. Надо ждать»».

В декабре 54-го Новиков выступал свидетелем на якобы открытом процессе Абакумова, после которого Виктора Семеновича тотчас же расстреляли (сейчас Верховный суд России признал, что надо было не расстреливать, а дать 25 лет тюрьмы). Стенограмма процесса, замечу, оставалась секретной вплоть до 90-х годов и полностью не опубликована по сей день. Но сохранились тезисы Новикова к выступлению на суде.

Маршал утверждал: «Арестован по делу ВВС, а допрашивают о другом... Был у Абакумова не менее 7 раз, как днем, так и ночью, что можно установить по журналу вызовов из тюрьмы... Протоколы не велись, записей не делалось, стенографистки не было... Я был орудием в их руках для того, чтобы скомпрометировать некоторых видных деятелей Советского государства путем создания ложных показаний ... Вопросы состояния ВВС была только ширма...»

Новиков цитировал по памяти следователя Лихачева: «Был бы человек, а статейку подберем... Какой ты маршал – подлец, мерзавец. Никогда отсюда больше не выйдешь... Расстреляем к е...ой матери... всю семью переарестуем... Рассказывай, как маршалу Жукову в жилетку плакал, он такая же сволочь, как ты...» Александр Александрович так объяснил собственное малодушие: «Допрашивали с 22-го (точнее, с 23-го. – Б. С.) по 30 апреля ежедневно, потом с 4-го по 8 мая... Морально надломленный, доведенный до отчаяния несправедливостью обвинения, бессонные ночи... Не уснешь, постоянный свет в глаза... Не только по причине допросов и нервного напряжения, чрезмерная усталость, апатия, безразличие и равнодушие ко всему – лишь бы отвязались – потому и подписал – малодушие, надломленная воля. Довели до самоуничтожения. Были минуты, когда я ничего не понимал... я как в бреду наговорил бы, что такой-то хотел убить такого-то... Заявление на Жукова по моей инициативе?... Это вопиющая неправда... со всей ответственностью заявляю, что я его не писал, дали печатный материал... Дело было так: к Абакумову привел меня Лихачев. Не помню, у кого был документ... Абакумов сказал: вот познакомьтесь – и подпишите. Заявление было напечатано... Ни один протест не был принят... Потом заставили... Это было у Лихачева в кабинете, продолжалось 7–8 часов... Было жарко мне, душно, слезы и спазмы душили...»

Из объяснений Новикова, данных восемь лет спустя, совсем в другой политической обстановке, видно: его в тюрьме не только не били, но даже не устраивали столь распространенной у чекистов пытки бессонницей. Александр Александрович не спал от нервного возбуждения, да еще от привычки спать при освещении, круглосуточно горевшем в камере. Тем не менее, бравый маршал сломался всего за неделю. И протоколы допросов, на которых Новикова будто бы понуждали подписать заявление против Жукова, как назло не сохранились. В 1954 году, когда судили Абакумова, Жуков был заместителем министра обороны, и Новиков никак не мог признавать, что в его заявлении против Георгия Константиновича много правды. Александру Александровичу пришлось лгать, что его будто бы заставили подписать не им составленный текст. Эта версия легко опровергается: в архиве сохранился написанный рукою Новикова оригинал заявления, с которого потом была снята машинописная копия для зачтения на Высшем Военном совете. Копию маршал также подписал. Думаю, что на самом деле «сталинского сокола», дважды Героя Советского Союза следователям на Лубянке и ломать-то как следует не пришлось. Александр Александрович прекрасно знал,

что виноват. Бракованные самолеты с заводов принимал, в результате случались аварии и гибли люди. В заявлении о Жукове Новиков признавал: «...Я являюсь непосредственным виновником приема на вооружение авиационных частей недоброкачественных самолетов и моторов, выпускающихся авиационной промышленностью...» Во время следствия это было квалифицировано как сознательное вредительство. При реабилитации маршала прием заводского брака расценили как ошибки, неизбежные во всяком большом и сложном деле. В действительности же перед нами самая обычная преступная халатность, за которую Новикова, Шахурина и курировавшего авиапромышленность Маленкова вполне справедливо было бы судить. Но Маленкова, как мы знаем, Сталин от суда оградил.

Насчет обстоятельств появления заявления Новикова могут существовать только две правдоподобные версии, ни одну из которых нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Можно предположить, что Абакумов от имени Сталина предложил Александру Александровичу сделку: сравнительно небольшой срок в обмен на сведения, компрометирующие Жукова. И маршал согласился. Вторая версия сводится к тому, что заявление о Жукове Новиков написал по собственной инициативе с целью перевести стрелки на Георгия Константиновича, отвлечь внимание следствия, а главное – самого Сталина, на «маршала победы» и тем самым добиться снисхождения для себя. Александр Александрович наверняка знал, в том числе из разговоров с самим Жуковым, что Сталин последнее время относится к нему с подозрением, и отменил некоторые его решения. В пользу этой версии говорит тот факт, что Новиков в своем заявлении покаялся также в своем поведении по отношению к Василию Сталину, который, как он полагал, затаил на него обиду за то, что тот отказался писать на него представление к генеральскому званию. И тут Александр Александрович действительно попытался перевести стрелки на Георгия Константиновича: «...Жуков хитрит и лукавит душой. Внешне это, конечно, незаметно, но мне, находившемуся с ним в близкой связи, было хорошо видно. Говоря об этом, я должен привести Вам в качестве примера такой факт: Жуков на глазах всячески приближает Василия Сталина, якобы по-отечески относится к нему и заботится. Но дело обстоит иначе. Когда недавно, уже перед моим арестом, я был у Жукова в кабинете на службе и в беседе он мне сказал, что, по-видимому, Василий Сталин будет инспектором ВВС, я выразил при этом свое неудовольствие таким назначением и всячески оскорблял Василия. Тут же Жуков в беседе со мной один на один высказался по адресу Василия Сталина еще резче, чем я, и в похабной и омерзительной форме наносил ему оскорбления». Этого факта Жуков на Совете тоже опровергать не стал.

Какая из версий соответствует истине, повторю, мы не узнаем, наверное, никогда. Но в любом случае заявление на имя Сталина маршал Новиков писал сам. В крайнем случае следователи могли лишь подсказывать отдельные формулировки. Ведь не могли же они знать деталей: когда именно встречались Жуков и Новиков, о чем говорили. Характерно, что Жуков ни одного из приведенных в заявлении фактов на заседании Главного военного совета в июне 1946 года не опроверг.

Несомненно, Жуков в последующие оправдания Новикова, будто свое заявление-донос он писал под диктовку следователей, не поверил и после освобождения Александра Александровича из тюрьмы порвал с ним все отношения.

Заявление Новикова было использовано Сталиным для смещения Жукова с поста главнокомандующего Сухопутных войск в июне 1946 года. Тем самым Иосиф Виссарионович, как ему казалось, предотвратил возвышение нового советского Бонапарта. Однако арестовывать и судить Жукова он не стал, а опять-таки в «воспитательных целях» отправил командовать второстепенным Одесским военным округом. Хотя ряда близких к Жукову генералов арестовал и посадил, а некоторых даже расстрелял. Но самого Георгия Константиновича, несомненно, рассчитывал еще использовать. И на пленуме после XIX съезда партии в октябре 1952 года вернул Жукова в число кандидатов в члены ЦК КПСС.

В связи с делом Жукова находилась и борьба, которую Абакумов вел против бывших бериевских кадров в МГБ и МВД. Так, заместитель министра внутренних дел И.А. Серов направил 8 сентября 1946 года Сталину жалобу на Абакумова, где просил оградить от «оскорблений и преследований» со стороны шефа госбезопасности. Серова Абакумов не без оснований обвинял в близости к Жукову в бытность того командующим 1-м Белорусским фронтом и главноначальствующим советской военной администрации в Германии и утверждал, что звание Героя Советского Союза в мае 1945 года Иван Александрович получил только благодаря Георгию Константиновичу. Серов был тогда уполномоченным НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту и начальником охраны тыла фронта, а затем – заместителем Главноначальствующего Советской военной администрации Германии по делам гражданской администрации и уполномоченным НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии. В 1947 году, уже после отъезда Жукова и Серова из Германии, Абакумов арестовал ряд сотрудников Серова в Германии, которые дали компрометирующие показания на Жукова и Серова, в первую очередь – в связи с присвоением трофейных ценностей. Защищаясь от обвинений, 8 февраля 1948 года Серов написал письмо Сталину, где вылил ушат помоев и на Абакумова, и на своего друга Жукова: «Сейчас для того, чтобы очернить меня, Абакумов всеми силами старается приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, так как кроме Абакумова есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним как мальчик... Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий Абакумов, распространял слухи, что «Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут». Теперь Абакумов, несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить...

В Германии ко мне обратился из ЦК компартии Ульбрихт и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии (явная ложь Ульбрихта, поскольку немцы не могли тогда выполнять самостоятельных полицейских функций в западных, равно как и в советской зоне оккупации. – Б. С.), поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце беседы попросил помощь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь. Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей. Жуков позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмутился и всем говорил, что Серов неправильно работает. Затем Межсоюзная Комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами, и на этом дело прекратилось. ЦК партии развернуло свою работу в этих районах.

Абакумов, узнав, что Жуков ругает меня, решил выслужиться перед ним. В этих целях он поручил своему верному приятелю Зеленину, который в тот период был начальником управления «СМЕРШ» (ныне находится под следствием), подтвердить, что судьи мной арестованы. Зеленин узнал об аресте судей и доложил Абакумову. Когда была Первая сессия Верховного Совета СССР, то Абакумов, сидя рядом с Жуковым (имеются фотографии в газетах), разболтал ему об аресте мной судей. По окончании заседания Абакумов подошел ко мне и предложил идти вместе в министерство. По дороге Абакумов начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает, где они содержатся. Я подтвердил это, так как перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда Абакумов спросил меня, а почему я скрыл это от Жукова, я ответил, что не все нужно Жукову говорить. Абакумов было попытался прочесть мне лекцию, что «Жукову надо все рассказывать», что «Жуков первый заместитель Верховного» и т. д. Я оборвал его вопросом, почему он так

усердно выслуживается перед Жуковым. На это мне Абакумов заявил, что он Жукову рассказал об аресте судей и что мне будет неприятно. Я за это Абакумова обозвал дураком, и мы разошлись. А сейчас позволительно спросить Абакумова, чем вызвано такое желание выслужиться перед Жуковым».

Серов также обвинил Абакумова в «самоснабжении за счет трофеев»: «Наверно, Абакумов не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы Абакумова из «СМЕРШ» прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью «Абакумову».

Вероятно, Абакумов уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской Армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант Кузнецов... прилетел к начальнику контрразведки «СМЕРШ» и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет Абакумова на обратный путь, так как горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант Абакумова не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Мне об этом жаловался командир авиационного корпуса и показывал расписку адъютанта Абакумова. Вот какие подлости выделывал Абакумов во время войны, расходуя моторесурсы самолета Си-47 и горючее. Эти безобразия и поныне прикрываются фразой: «Самолет летал за арестованными». Сейчас Абакумов свои самолеты, прилетающие из-за границы, на контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление правительства о досмотре всех без исключения самолетов.

Пусть Абакумов расскажет в ЦК про свое трусливое поведение в тяжелое время войны, когда немцы находились под Москвой. Он ходил, как мокрая курица, охал и вздыхал, что с ним будет, а делом не занимался... Своего подхалима Иванова... Абакумов посылал к нам снимать мерку с ног для пошивки болотных сапог, чтобы удирать из Москвы. Многим генералам и себе Абакумов пошил такие сапоги. Ведь остававшиеся в Москве в тот период генералы видели поведение Абакумова.

Пусть Абакумов откажется, как он в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их в гостиницу «Москва»... Конечно, сейчас Абакумов, вероятно, «забыл» о разговоре, который у нас с ним происходил в октябре месяце 1941 года о положении под Москвой, и какую он дал тогда оценку. Абакумов по секрету сообщил мне, что «прибыли войска из Сибири, кажется, дело под Москвой должно пойти лучше». На это я ответил ему: «Товарищ Сталин под Москвой повернул ход войны, его за спасение Москвы народ на руках будет носить». И при этом рассказал лично слышанные от Вас, товарищ Сталин, слова, когда Вам покойный Щербаков доложил, что у него перехвачен приказ Гитлера, в котором он указывает, что 7 ноября будет проводить парад войск на Красной площади.

Когда Вы на это спокойно и уверенно сказали: «Дурак этот Гитлер! Он и не представляет себе, как побежит без оглядки из России». Эти Ваши слова я рассказал Абакумову, он не смеет отказаться, если хоть осталась капля совести. Эти Ваши слова я рассказал многим».

Серова Сталин, несмотря на все происки Абакумова, смещать не стал, оставив его на посту первого заместителя министра внутренних дел. Иван Александрович ведь был не только человеком Берии, но и человеком Хрущева. А Хрущева Сталин вскоре начал рассматривать как своего самого реального преемника.

Это было связано с тем, что надежды, которые Сталин питал на Жданова и его команду, пошли прахом. Андрей Андреевич страдал алкоголизмом, что вряд ли было тайной для вождя. Но Иосиф Виссарионович наверняка не ожидал, что его соратник сгорит от водки так быстро. К тому же вскоре выяснилось, что Жданов не обладал никакими организационными талантами. В Ленинграде это было не так заметно, поскольку многое там за него делал второй секретарь Алексей Александрович Кузнецов. В Москве же стало очевидно, что для

роли второго секретаря ЦК, который призван был разгрузить стареющего Сталина от решения ряда оперативных вопросов, Жданов совершенно не годится. Умение писать доклады с погромными выпадами против Ахматовой и Зощенко в плане возможного будущего осуществления властных полномочий немного стоило. Во время отпуска на Черном море Сталин позвал на свою дачу Жданова и вдруг неожиданно накричал на него: «Сидит, как Христос, как будто это его не касается! Вот смотрит на меня, как Христос!» Уже в 1947 году Жданов оказался тяжело болен и постепенно начал отходить от дел. Этот процесс продолжался вплоть до смерти Жданова от просмотренного кремлевскими эскулапами инфаркта в августе 1948 года. Не исключено, что его конец приблизила кампания критики против его сына Юрия, осмелившегося критиковать «народного академика» Т.Д. Лысенко. Незадолго до этого, 1 июля, Маленков был восстановлен в должности секретаря ЦК партии.

Сталину пришлось принимать срочные меры, чтобы компенсировать ущерб от деятельности Жданова и его команды. Уже в июле 1946 года Маленков был возвращен в Москву из ссылки на периферию и фактически стал выполнять функции второго секретаря ЦК, по крайней мере, по части организационной работы. После смерти Жданова Георгий Максимилианович уже и формально стал вторым секретарем ЦК ВКП(б), т. е. как бы формальным будущим преемником Сталина. Именно в этом качестве его и воспринимали в обществе. Но Иосиф Виссарионович слишком хорошо знал Георгия Максимилиановича, чтобы понять: на роль вождя он не годится. Это Маленков в дальнейшем блестяще подтвердил, практически без серьезного сопротивления уступив власть Хрущеву.

Члены ждановской команды – председатель Госплана Н.А. Вознесенский, секретарь ЦК КПСС А.А. Кузнецов, глава правительства РСФСР М.И. Родионов, глава Ленинградской парторганизации П.С. Попков и другие особым доверием Сталина не пользовались, кандидатами в преемники, разумеется, никогда не были, зато доставляли немало хлопот своими завиральными идеями насчет укрепления российского суверенитета в рамках СССР, создания российского гимна и герба и даже объявления Ленинграда столицей РСФСР. С точки зрения Сталина, это была чрезвычайно опасная центробежная тенденция. И тут он был прав. В 1991 году решающим для полного и окончательного распада СССР стало движение за российский суверенитет. Разумеется, столь опасных мечтателей нельзя было оставлять в живых в послесталинском Советском Союзе, который они рано или поздно могли развалить, даже помимо собственной воли. Иосиф Виссарионович такого допустить не мог, вне зависимости от того, на ком он остановил выбор в качестве преемника. После смерти прикрывавшего их Жданова Вознесенского и его друзей изгнали с партийного олимпа в результате так называемого «ленинградского дела». Всего по ленинградскому делу были подвергнуты разного рода репрессиям до 2 тыс. человек, в том числе несколько сот были расстреляны. Масштабы репрессий были уже не те, что в 1937–1938 годах. По всем политическим делам послевоенных лет были казнены лишь немногие тысячи, а не сотни тысяч человек. Сталин считал, что страха он навел уже достаточно и можно позволить себе быть гораздо более либеральным, не слишком разбрасываясь кадрами. Террор стал избирательным, точечным.

Основным поводом для преследования так называемой «ленинградской антипартийной группы» стало обвинение А.А. Кузнецова, председателя Совмина РСФСР М.И. Родионова и первого секретаря Ленинградского обкома и горкома П.С. Попкова в проведении в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки. Она была организована по инициативе Родионова, Кузнецова и Вознесенского без санкции центральных партийных органов. Бюро Совмина разрешило проведение лишь межобластных оптовых ярмарок, а Родионов и ленинградские руководители сделали ярмарку Всероссийской и лишь после начала ее работы известили об этом Маленкова. В ответ на информацию, поступившую от председателя Совмина РСФСР М.И. Родионова, прежде работавшего в Ленинграде, о проведении Всероссийской оптовой ярмарки, Маленков поставил на Политбюро ЦК ВКП(б) вопрос «Об антипар-

тийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М.И. и Попкова П.С.» В феврале 1949 года поступил еще один сигнал в ЦК партии. В анонимном письме говорилось о фальсификациях при выборах Ленинградского обкома партии. На ленинградской партконференции руководители обкома П.С. Попков, Г.Ф. Бадаев, Я.Ф. Капустин и П.Г. Лазутин получили по несколько голосов «против», но было объявлено, что они прошли единогласно. 15 февраля 1949 года Политбюро приняло постановление об антипартийных действиях ленинградской парторганизации. Срочно прибывший в Ленинград Маленков снял всю местную партийную верхушку. На объединенном заседании бюро ленинградских горкома и обкома партии Георгий Максимилианович обвинил Попкова и его товарищей в антипартийной групповщине и противопоставлении Ленинградской парторганизации Центральному Комитету, а также в попытке создать Компартию России и тем самым расколоть КПСС. Одновременно попали в опалу и покровители ленинградского руководства. В январе 1949 года Кузнецов, а в марте Родионов и Вознесенский лишились своих постов.

В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 года говорилось о тесных связях руководства Ленинграда с работавшими в этом городе прежде Н.А.Вознесенским и А.А.Кузнецовым. Упоминалась и просьба Попкова о том, чтобы Вознесенский и Кузнецов «шефствовали» над городом, причем эта просьба сравнивалась с временами, когда «Зиновьев... пытался превратить Ленинградскую партийную организацию в опору своей антиленинской фракции».

К делу «ленинградской фракции» был также привлечен второй секретарь Ленинградского горкома Я.Ф.Капустин, которого объявили «английским шпионом». Ему припомнили, что в 1935 году он проходил длительную стажировку в Англии, в Манчестере, на заводах Метрополитен-Виккерс, и имел любовную связь с англичанкой-переводчицей, предлагавшей ему остаться в Англии. Однажды муж англичанки, внезапно вернувшийся домой, застал жену и Якова Федоровича в костюмах Адама и Евы. Разразился скандал, который стал предметом разбирательства партийной организацией советского торгпредства в Лондоне. После ареста Капустина этот эпизод был расценен «как сигнал возможной обработки Капустина английской разведкой». Абакумов обвинил начальника ленинградского управления МГБ генерал-лейтенанта П.Н. Курбаткина в попытке замять это дело.

Курбаткин был арестован и впоследствии расстрелян. Здесь стоит отметить, что в 1939 году он сам был организатором убийства находившихся в заключении видных в прошлом троцкистов К.Б. Радека и Г.Я. Сокольников, но это убийство ему не инкриминировали, поскольку действовал он тогда по приказу Сталина и Берии.

Другого обвиняемого – бывшего председателя Ленинградского облисполкома, назначенного первым секретарем Крымского обкома ВКП(б), Н.В.Соловьева объявили «мажорным великодержавным шовинистом» за предложение создать Бюро ЦК по РСФСР и учредить компартию РСФСР. Его обвиняли также в том, что, «находясь на работе в Крыму, делал резкие вражеские выпады против главы Советского государства».

Вскоре последовали аресты и главных фигурантов дела. 13 августа 1949 года при выходе из кабинета Маленкова были арестованы Кузнецов, Попков, Родионов, а также председатель Ленинградского исполкома горсовета П.Г. Лазутин и бывший председатель Ленинградского облисполкома Н.В.Соловьев.

Вознесенскому предъявили обвинения в умышленном занижении государственных планов, в искажении и фальсификации статистической отчетности, а также в утрате секретных документов в аппарате Госплана. 9 сентября 1949 года Шкирятов передал Маленкову предложение Комитета партийного контроля исключить Вознесенского из партии и привлечь к суду за утрату секретных документов Госпланом СССР. Это предложение было утверждено опросом членов Пленума ЦК, и 27 октября Вознесенский был арестован.

Министерство госбезопасности начало собирать компромат против «ленинградцев» только тогда, когда они были низвергнуты с политического олимпа. Сам Абакумов был в хороших, дружественных отношениях с Кузнецовым. После ареста Виктору Семеновичу это вменили в вину. За министром следили, и агентура докладывала Сталину, что Виктор Семенович и Алексей Александрович дружили семьями. И Сталин решил испытать министра, поручив ему разработать обвинения против «ленинградцев», инкриминировать старому другу расстрельную статью. Но Абакумов все же попытался помочь Кузнецову, стремясь отвести от него наиболее опасное обвинение в шпионаже. На допросе бывший следователь Комаров показал: «Когда я доложил Абакумову план расследования дела Кузнецова и заговорил про шпионаж, тот, расхаживая по кабинету, принялся рассуждать вслух: «Собственно, какой у этих арестованных шпионаж? Они давно на виду, постоянно находились под охраной МГБ, каждый их шаг был известен... Начни мы ставить вопросы об их связи с заграницей, в ЦК будут смеяться...»

Абакумов часто говорил мне: «Мы солдаты, что прикажут, то и должны делать». Оттого я и не стал допрашивать Кузнецова про шпионаж – кто же осмелится пойти наперекор министру?»

Вероятно, среди прочего, Абакумов опасался, что МГБ могут обвинить в «попустительстве шпионаж», после чего его самого легко могут посадить на одну скамью подсудимых с Кузнецовым.

Обвинительное заключение, составленное на основании показаний, добытых людьми Абакумова, и отредактированное Сталиным, в частности, гласило: «Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев признаны виновными в том, что, объединившись в 1938 году в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б) с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК... Для этого пытались возбуждать недовольство среди коммунистов Ленинградской организации мероприятиями ЦК ВКП(б), распространяя клеветнические утверждения, высказывали изменнические замыслы... А также разбазаривали государственные средства (на организацию злосчастной Ленинградской ярмарки. – *Б. С.*)». Насчет Кузнецова Сталин собственноручно вписал в текст обвинительного заключения фразу о том, что он, «обманным путем пробравшись в ЦК ВКП(б)... повсюду насаждал своих людей – от Белоруссии до Дальнего Востока и от Севера до Крыма». Родионов предлагал не только создать Компартию Российской Федерации, но и учредить собственный российский гимн и флаг – традиционный триколор, но с серпом и молотом. Этого хватило, чтобы приписать подсудимым «русский национализм», намерение перенести столицу из Москвы в Ленинград и чуть ли не отделить Российскую Федерацию от СССР.

Думаю, что в этом как раз и заключалась истинная причина постигшей «ленинградцев» опалы. Разумеется, никакого заговора они не устраивали. Однако намерения сделать более самостоятельной в рамках СССР Российскую Федерацию, поднять роль Ленинграда и Ленинградской области, передав «северной столице» некоторые функции центральной власти, а в будущем сделав даже столицей РСФСР, были налицо. В проведении Ленинградской оптовой ярмарки Сталин усмотрел проявление центробежных тенденций. А этого стареющий диктатор больше всего боялся. Он видел угрозу существования государства в том, что русский патриотизм будет противопоставляться советскому. Для Иосифа Виссарионовича даже в пору беспощадной борьбы с «безродным космополитизмом» эти понятия совпадали. Просто понятие «советский» должно было быть очищено от «инородческих влияний» и «низкопоклонства перед Западом». Украинскому, узбекскому или литовскому патриотизму в сталинском СССР не было места. Пример же выделения РСФСР в такую же республику, как Украина или Узбекистан, грозил превращением СССР из фактически унитарного госу-

дарства в настоящую федерацию и ростом центробежных тенденций по всему Союзу. Распад же СССР неминуемо вел и к концу коммунистической власти. Вероятно, примерно так представлял себе Сталин дальнейший ход истории в случае, если бы его преемником стали Вознесенский или Кузнецов. И ведь действительно в 1991 году распад Советского Союза стал концом правления Коммунистической партии. Да, такие наследники Сталину были не нужны, и от них надо было как можно скорее избавиться.

Главных фигурантов московских процессов 1936–1938 годов удалось заставить дать самые фантастические признательные показания без применения пыток, одной лишь силой убеждения: если будете хорошо себя вести, вас не расстреляют, и к тому же вам, как настоящему большевику, предстоит выполнить свое последнее партийное поручение. Зиновьев, Каменев и сторонники Троцкого надеялись, что Сталин убоится мирового общественного мнения и не станет казнить всемирно известных в прошлом вождей партии и Коминтерна. Бухарин, Рыков и другие правые верили, что Коба вспомнит, что они были его старыми соратниками, активно боролись с троцкистами и зиновьевцами и потому не представляют реальной опасности и не заслуживают смерти. У «ленинградцев» никаких иллюзий на этот счет уже не осталось. Опыт предшественников однозначно свидетельствовал, что признания в заговорах и шпионаже – верный путь в могилу. К тому же «ленинградцы» по складу своего характера были прагматиками-технократами, и убедить их, во имя высших интересов партии, взять на себя ответственность за несовершенные преступления было невозможно. Страх смерти понуждал подсудимых отрицать выдвинутые против них чудовищные обвинения. Преодолеть его можно было только пыточными методами следствия.

Вознесенский, Кузнецов и их товарищи на следствии и на суде признали свою вину. Как выбивались эти признания, рассказал 29 января 1954 года следователям, пересматривавшим «ленинградское дело», один из немногих уцелевших, бывший 2-й секретарь Ленинградского обкома Иосиф Михайлович Турко, получивший 15 лет лагерей: «... Я никаких преступлений не совершал и виновным себя не считал и не считаю. Показания я дал в результате систематических избиений, так как я отрицал свою вину. Следователь Путинцев начал меня систематически избивать на допросах. Он бил меня по голове, по лицу, бил ногами. Однажды он меня так избил, что пошла кровь из уха. После таких избиений следователь направлял меня в карцер, угрожал уничтожить меня и мою жену и детей, а меня осудить на 20 лет лагерей, если я не признаюсь... В результате я подписал все, что предлагал следователь...»

В полном соответствии с традициями московских процессов 30-х годов, и на этот раз следователи были рядом со своими подсудимыми во время процесса, чтобы контролировать их поведение и не допустить отказа от ранее данных показаний. Бывший заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ полковник Владимир Иванович Комаров, арестованный вместе с Абакумовым, на допросе рассказал, как это было: «В Ленинград поехал я и еще десять следователей... Перед отъездом в Ленинград Абакумов меня строго предупредил, чтобы на суде не было упомянуто имя Жданова. «Головой отвечаешь», – сказал он». Но все прошло как надо. Имя канонизированного к тому времени Жданова на процессе не прозвучало, и в ночь на 1 октября 1950 года Вознесенский, Кузнецов и другие были расстреляны по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Сохранилось письмо на имя Маленкова Амаяка Кобулова, бывшего с 1938 года заместителем министра госбезопасности Украины, а в момент написания письма, в апреле 1954 года, томившегося в Бутырской тюрьме. В этом документе приводятся сведения о широчайших масштабах репрессий на Украине и о том, что первый секретарь ЦК КП Украины не пытался сделать даже то, что мог, для того, чтобы их ограничить, первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины Хрущев был вызван Сталиным в Москву в конце 1949 года. Младший из братьев Кобуловых, отчаянно цепляясь за жизнь, пытался сыграть на противоречиях Хрущева и Маленкова и дать Георгию Максимилиановичу компромат на Никиту Сергеевича. Но

спасти А.З. Кобулову не удалось, равно как и не удалось убедить Маленкова в своей версии, что с Украины в Москву Хрущева перевели в качестве наказания. Ведь производство из первого секретаря компартии Украины в первые секретари Московского городского комитета партии, да еще с добавлением должности секретаря ЦК ВКП(б), понижением назвать было весьма трудно. На самом деле Сталин вызвал Хрущева в Москву в качестве своего наиболее вероятного преемника сразу после того, как расправился с ленинградской командой.

Никита Сергеевич вспоминал: «Однажды, когда я был во Львове, Сталин позвонил мне и срочно вызвал в Москву. Шли последние месяцы 1949 года. Я ехал и не знал, что меня ждет. Могло возникнуть много неожиданных сюрпризов. Такая тогда была ситуация. Ехал я и не знал, зачем еду, куда и в каком положении буду возвращаться. Сходные переживания как-то выразил Булганин после обеда у Сталина, сказав мне: «Вот едешь к нему на обед вроде бы как другом, а не знаешь, сам ли ты поедешь домой или тебя повезут кое-куда». Он это произнес, будучи под крепким градусом. Но ведь что у трезвого в голове, то... Булганин отразил мысли многих, если не всех нас. Сложилась общая обстановка неуверенности в завтрашнем дне. Итак, выехал я в Москву. Сталин говорит: «Довольно вам на Украине сидеть. Вы там проработали много лет». «Да, 13 лет. Время мне уходить отсюда, хотя отношение ко мне там очень хорошее, и я благодарен всем людям, которые меня окружали и помогали мне в руководстве на Украине». «Мы хотим перевести вас в Москву. У нас неблагополучно в Ленинграде, выявлены заговоры. Неблагополучно и в Москве, и мы хотим, чтобы вы опять возглавили Московскую парторганизацию. Пусть Московская парторганизация будет опорой Центрального Комитета». Я ему: «Если Вы доверяете, то я сделаю все, что в моих силах, и охотно вернусь в Москву в качестве секретаря Московского комитета партии». «Нет, не только, вы будете здесь еще и секретарем ЦК».

Этот разговор состоялся как раз перед 70-летием Сталина. И он добавил: «Вы приезжайте ко дню моего рождения». Я и приехал к этому декабрьскому дню. Сдал дела на Украине, перебрался в Москву. Тут меня избрали секретарем МК, я начал работать по новой. Быстро увидел, что мой приезд в Москву противоречил предположениям Берии и Маленкова. У меня сложилось тогда впечатление, что Сталин (он этого не сказал мне), вызывая меня в Москву, хотел как-то повлиять на расстановку сил в столице и понизить роль Берии и Маленкова. Мне даже иногда казалось, что Сталин сам боится Берии, рад был бы от него избавиться, но не знает, как это лучше сделать. Перевод же меня в Москву как бы противопоставлял нас, связывая Берии руки. Сталин, как мне казалось, хорошо ко мне относился и доверял мне. Хотя он часто критиковал меня, но зато и поддерживал, и я это ценил».

Вслед за Ленинградом Сталин провел чистку в Московской парторганизации. 20 октября 1949 года Сталину и членам Политбюро поступило письмо за подписью трех инженеров одного из московских заводов (впоследствии было установлено, что фамилии авторов письма вымышленные), где указывалось на серьезные недостатки в работе первого секретаря МК и МК ВКП(б) Г.М.Попова.

По предложению Сталина была образована комиссия Политбюро ЦК в составе Г.М.Маленкова, Л.П.Берии, Л.М. Кагановича и М.А.Суслова для проверки указанных в письме фактов. По результатам проведенной проверки 12 декабря было принято постановление Политбюро ЦК «О недостатках в работе тов. Попова Г.М.». Там, в частности, отмечалось, что Московский комитет «проводит неправильную линию в отношении союзных министерств и министров, пытаясь подмять министров и командовать министерствами, подменять министров, правительство и ЦК ВКП(б)», что «МК и МК ВКП(б), занимаясь в основном хозяйственными делами, не уделяют должного внимания вопросам партийно-политической и внутрипартийной работы».

Пленум МК и МК ВКП(б), состоявшийся 13–16 декабря, признал, что ЦК «правильно и своевременно вскрыл крупные недостатки в работе Попова и бюро Московского област-

ного и городского комитетов партии». Пленум осудил также «беспринципную позицию секретарей и членов бюро, зажим критики и самокритики, грубые нарушения отдельными руководителями государственной и партийной дисциплины, серьезные ошибки в работе с кадрами». Попов был освобожден от занимаемой должности. Вот тогда Сталин и вызвал в Москву Хрущева, который накануне Нового года был вполне предсказуемо избран первым секретарем МГК.

Стоит заметить, что по сравнению с Вознесенским и его товарищами, расстрелянными 1 октября 1950 года, Георгий Михайлович Попов, можно сказать, отделался легким испугом. Его лишь вывели из состава Оргбюро и освободили от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б). Попов был назначен министром городского хозяйства, затем министром сельскохозяйственного машиностроения, а в 1952 году стал директором авиазавода. Все это доказывает, что никаких политических прегрешений за ним не было, и освободили его от обязанностей главы московских коммунистов только для того, чтобы освободить место для Хрущева.

Никаких прямых и ясных указаний на то, кого именно он мыслил своим наследником, Сталин, разумеется, не оставил. Прежде всего потому, что умер внезапно. Хотя, может быть, отчасти и из соображений безопасности, чтобы не провоцировать вспышки борьбы за власть в своем окружении. Ведь как названный преемник, так и те, кого преемником не назначили, могли попытаться сыграть свою игру и устранить Сталина, первый – чтобы приблизить свой приход к власти, вторые – чтобы не допустить во власть названного преемника и самими стать сталинскими наследниками, даже ценой убийства генералиссимуса.

В последние месяцы жизни Сталина над Берией, как казалось, нависла новая угроза. В Грузии расследовалось дело так называемой «мингрельской националистической группы», будто бы возглавляемой секретарем ЦК КП(б) Грузии М. Барамия, сфальсифицированное органами МГБ Грузии по команде из Москвы. Группа обвинялась в подготовке ликвидации советской власти в Грузии с помощью империалистических государств, с обвинениями во взяточничестве и национализме части грузинского партийного аппарата.

В ноябре-декабре 1951 года были приняты постановления ЦК ВКП(б) «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия» и Совмина СССР «О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов», после чего 37 партийных и советских работников Грузии было арестовано, а более десяти тысяч человек высланы с территории Грузинской ССР в отдаленные районы Казахстана. Осуществлять эти меры было поручено Берии. Но новое руководство МГБ Грузии стало собирать компромат на Лаврентия Павловича.

4 февраля 1953 года министр госбезопасности С.Д. Игнатьев направил Сталину протоколы допросов арестованного министра госбезопасности Грузии Н.М.Рухадзе.

Материалы допросов свидетельствовали о том, что Рухадзе собирал компрометирующие материалы не только на руководителей республики, но и на самого Берия. В квартире у матери Берии в Тбилиси была установлена подслушивающая аппаратура, также МГБ «разрабатывал» казавшиеся подозрительными связи мужа сестры Берии. После смерти Сталина Берия освободил и реабилитировал арестованных членов «мингрельской группы» и вернул в Грузию тысячи ссыльных.

Падение Абакумова

Министр госбезопасности Виктор Семенович Абакумов любил пожить на широкую ногу. Он порядочно награбил трофейных ценностей в Германии, не хуже Жукова и Серова. Кроме того, к его услугам всегда были вещи, конфискованные у врагов народа. Абакумов имел две квартиры в Москве. В меньшей из них, площадью 120 квадратных метров, проживала его жена, с которой он после войны развелся, но квартиру ей оставил. Квартира была украшена дубовыми панелями, была старинная мебель красного дерева, множество ковров и богемский хрусталь. В основной же квартире, в Колпачном переулке, площадь которой была около 300 квадратных метров, проживал сам со своей любовницей, впоследствии ставшей женой Абакумова и родившей ему сына. Для того, чтобы выделить Абакумову эту квартиру, потребовалось отселить 16 семей, что и было осуществлено за счет МГБ. Квартира напоминала склад дорогих мебельных гарнитуров, заграничных холодильников, которые москвичам были еще в диковинку, хрусталя, драгоценностей, мехов, ковров и т. д. Кроме того, в квартире было 13 радиоприемников и радиол, 30 наручных часов и сотни метров отрезков ткани. Был в квартире и ящик с более чем 300 корнями женьшеня. Виктор Семенович явно заботился о собственном долголетии, не понимая, очевидно, что на его должности люди в то время своей смертью, как правило, не умирали. Был у него и личный гараж с десятками автомобилей. Виктор Семенович был заядлым автомобилистом. Еще Абакумов любил танцевать фокстрот с красивыми женщинами, за что коллеги в шутку прозвали его «фокстротчиком». Он одним из первых в советской элите стал увлекаться большим теннисом, играл в футбол, был мастером спорта по самбо.

Однако отнюдь не любовь к красивой жизни послужила причиной падения Абакумова. Виктор Семенович с энтузиазмом собирал компромат на сильных мира сего. Люди Абакумова фактически завербовали начальника охраны Берии полковника Саркисова, который начал доставлять в МГБ регулярные доклады о любовных похождениях шефа.

Бывший заместитель Абакумова генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов в беседе с журналистом Евгением Жирновым вспоминал: «Время от времени Виктор Семенович звонил мне по бериевским делам: «Что-нибудь есть там от Саркисова?» Брал с удовольствием. Через какое-то время интерес к этим материалам у него пропал. Говорит: «Ты больше не бери у Саркисова это дерьмо». К тому времени сообщений о похождениях Лаврентия Павловича у него накопилось более чем достаточно. Он и пресытился, и увидел, что на этом дерьме легко поскользнуться. В сводках шла речь о женах такого количества высокопоставленных людей, что малейшая утечка этих материалов могла сделать Абакумова врагом не только Берии, но и половины руководителей партии и страны».

У Абакумова при обыске, как записали в протоколе, «в большой спальней, в платяном шкафу, в белье, была обнаружена папка с большим числом совершенно секретных документов, содержащих сведения особой государственной важности». Вероятно, там были компрометирующие материалы и на Берию.

В своем письме Сталину следователь М.Д. Рюмин утверждал, что от него требовали при допросах собирать компрометирующие данные против руководящих государственных и партийных работников. Среди тех, против кого собирался компромат, были участники советского атомного проекта Б.Л. Ванников и А.П. Завенягин.

По утверждению исследователя истории антисемитизма в СССР Г.В. Костырченко, Абакумов «с целью получения компромата на Берию в конце 1948 года даже пошел на арест его бывшей любовницы, некой Л.А. Улерьяновой, женщины легкого поведения».

Абакумов копал и под жену Молотова Полину Жемчужину, но делал он это наверняка по заданию Сталина, у которого был такой фирменный прием – сажать жен ближайших

соратников, чтобы вернее привязать их к себе. Так он поступил, например, по отношению к Калинин и Буденному. А у своего помощника А.Н. Поскребышева и у маршала Г.И. Кулика Сталин жен расстрелял. Теперь пришел черед жены Молотова.

После того, как в конце 1945 года доверие Сталина к Молотову основательно пошатнулось, генсек решил держать Вячеслава Михайловича на коротком поводке, приказав МГБ возбудить дело против его жены, Полины (Пери) Семеновны Жемчужиной, урожденной Карповской (фамилия у нее была от первого мужа, Арона Жемчужина). Она была одной из активных сотрудниц Еврейского антифашистского комитета. После установления дипломатических отношений между СССР и Израилем Жемчужина на приеме в МИДе 8 ноября 1948 года по случаю 31-й годовщины Октябрьской революции вела неосторожные разговоры с израильским послом в Москве Голдой Меир. Последняя вспоминала: «После того, как я пожала руку Молотову, ко мне подошла его жена Полина. «Я так рада, что вижу вас наконец!» – сказала она с неподдельной теплотой, даже с волнением. И прибавила: «Я ведь говорю на идиш, знаете?»

– Вы еврейка? – спросила я с некоторым удивлением.

– Да! – ответила она на идиш. – Их бин а идише тохтер («Я – дочь еврейского народа»).

Мы беседовали довольно долго. Она знала, что произошло в синагоге (где приветствовать Голду Меир на праздновании еврейского нового года собралась пятидесятитысячная толпа. – Б. С.), и сказала, как хорошо было, что мы туда пошли: «Евреи так хотели вас увидеть», – сказала она. Потом мы коснулись вопроса о Негеве, обсуждавшегося тогда в Объединенных Нациях. Я заметила, что не могу отдать его, потому что там живет моя дочь, и добавила, что Сарра находится со мной в Москве. «Я должна с ней познакомиться», – сказала госпожа Молотова. Тогда я представила ей Сарру и Яэль Намир; она стала говорить с ними об Израиле и задала Сарре множество вопросов о кибуцах – кто там живет, как они управляются. Она говорила с ними на идиш и пришла в восторг, когда Сарра ответила ей на том же языке. Когда Сарра объяснила, что в Ревивим все общее и что частной собственности нет, госпожа Молотова заметно смутилась. «Это неправильно, – сказала она. – Люди не любят делиться всем. Даже Сталин против этого. Вам следовало бы ознакомиться с тем, что он об этом думает и пишет». Прежде чем вернуться к другим гостям, она обняла Сарру и сказала со слезами на глазах: «Всего вам хорошего. Если у вас все будет хорошо, все будет хорошо у всех евреев в мире».

Больше я никогда не видела госпожу Молотову и ничего о ней не слышала. Много позже Генри Шапиро, старый корреспондент Юнайтед Пресс в Москве, рассказал мне, что после разговора с нами Полина Молотова была арестована...»

Замечу, что экономическая эффективность кибуцев, где все было обобществлено, основывалась на внеэкономической мотивации к производительному труду, в данном случае – на приверженности сионистской идее; по этой же причине эффективными в условиях рынка оказались коллективные хозяйства, созданные приверженцами некоторых протестантских сект в США; но сталинские колхозы обернулись трагедией для миллионов крестьян – схемы, рассчитанные на фанатиков идеи, не работают, когда применяются к массе обыкновенных людей.

Несомненно, у той беседы Жемчужиной с Голдой Меир были очень внимательные слушатели, которые довели ее содержание до сталинских и абакумовских ушей. Иосиф Виссарионович наконец-то получил весомые доказательства для обвинения жены Молотова в «еврейском национализме». 28 января 1949 года, вскоре после того, как в рамках продолжавшейся борьбы с «космополитами» в Москве закрыли еврейский театр, газету и издательство, Жемчужину арестовали. Ей вменили в вину утрату секретных документов. Вместе с женой Молотова взяли ее технического секретаря Мельник-Соколинскую и еще несколько сотруд-

ников главка текстильно-галантерейной промышленности Минлегпрома, которым руководила Полина Семеновна.

Как утверждал Питовранов, как-то Абакумов вызвав его и поинтересовался, «нет ли чего интересного по Молотову». «Вести оперативную работу против членов Политбюро, – вспоминал ветеран, – мы не имели ни малейшего права. Но приказ министра есть приказ. Я аккуратно, не произнося прямо фамилий, проинструктировал ребят. Они вспомнили об агентурной информации, положенной в свое время под сукно: кто-то из ближайшего окружения жены Молотова сообщал о ее, мягко говоря, не вполне скромном образе жизни.

Полина Семеновна Жемчужина была начальником текстильно-галантерейного главка Министерства легкой промышленности. Пока ее супруг надрывался в Совете министров, Министерстве иностранных дел и Комитете информации, Полина Семеновна переживала третью молодость – уделяла много времени своей внешности, принимала молочные ванны. Довольно свободно вела себя с мужчинами – на улицах, конечно, никого не ловила, но грань дозволенного перешла уже давно.

Абакумов, выслушав эту информацию, поморщился: «Слухи нам ни к чему, но направление интересное. Попробуй вместе с охраной что-нибудь организовать такое...» (его рука изобразила что-то напоминающее вращение катушек магнитофона). Мы залегендировали свой интерес к Жемчужиной и вскоре получили то, что ждал министр. Жемчужина для какого-то небольшого ремонта вызвала к себе электрика. Сделать этот молодой и симпатичный парень ничего не успел – почтенная дама почти насильно уложила его в постель. Виктор Семенович остался доволен».

Перед арестом Жемчужиной Сталин наверняка намекнул Молотову, что нет смысла защищать такую неверную жену. А опытный царедворец Молотов легко мог догадаться, откуда у этой информации растут ноги.

Тут следует отметить, что свидетельство Питовранова находит свое подтверждение в материалах следствия по делу жены Молотова. Двое подчиненных Жемчужиной в ходе следствия признались в том, что они были ее любовниками. Они весьма подробно описали все детали интимных встреч, вплоть до излюбленных поз. Неизвестно, сделали ли они эти признания добровольно или под давлением следователей или даже из-за применения к ним мер физического воздействия. Тем не менее, на очной ставке с Жемчужиной оба подтвердили свои показания. Полина Семеновна, которой уже перевалило за пятьдесят, от стыда и потрясения разрыдалась.

Следует подчеркнуть, что пытки во время следствия по делу Жемчужиной применялись весьма широко. Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко на суде над Абакумовым 14 декабря 1954 года заявил, что в 1949 году, кроме Надежды Канель, в связи с провокацией против Жемчужиной были арестованы многие из ее сослуживцев и родственников: бывший заместитель начальника Главка Иванов, директор авиационного завода Штейнберг, секретари Жемчужиной Мельник-Соколинская, Карташева и Вельбовская, родственник Жемчужиной Карповский и другие.

О том, какими бесчеловечными методами вымогались от арестованных ложные показания против Жемчужиной, дают представление показания свидетеля Штейнберга, работавшего до ареста директором одного из авиационных заводов и являющегося дальним родственником Жемчужиной. Штейнберг показал:

«...В ночь с 2 на 3 августа 1949 года я был арестован и доставлен в Лефортовскую тюрьму... Ночью того же дня я был... вызван на допрос к Рассыпнинскому, а затем переведен в кабинет к Комарову... Так как на следующих допросах я продолжал отрицать свою виновность... то на одном из последующих допросов Комаров заявил, что меня будут бить и заставят подписать эти показания. Была показана дубинка. Комаров довольно детально и

со вкусом объяснил, как ею орудуют, какие последствия на всю жизнь остаются у людей, ее испробовавших, давал ее подержать, засовывал в карман пиджака и т. д.

Я отказался все же дать такие показания, и на одном из последующих допросов впервые был избит... Комаров заставил меня встать, ударил два раза по лицу, при этом выбил два зуба, а затем вместе с Рассыпнинским потащил меня к креслу и избил резиновой дубинкой... Затем на следующем допросе, когда я продолжал упорствовать, Комаров заявил, что «перейдет на пятки». Меня уложили на пол, сняли полуботинки и били этой же дубинкой по подошвам и пяткам. Всего таких допросов было семь. Все это сопровождалось ежедневными вызовами на допрос днем и ночью, ночью с 12 часов до 4, а чаще до 5 утра, при этом спать не разрешалось.

После седьмого допроса я не выдержал и сказал, что согласен дать показания как о своей, так и «вражеской» деятельности Жемчужиной».

Штейнберг подтвердил на суде, что в допросах его непосредственно участвовал Абакумов, который, обращаясь к Комарову, требовал: «Возьмите двух следователей поздоровее, побейте его в две дубинки и заставьте рассказывать». Столь же преступными и бесчеловечными методами производились допросы и бывшего секретаря Жемчужиной Мельник-Соколинской, подробно рассказавшей на суде о преступных приемах следствия, применявшихся Комаровым и Абакумовым.

На протяжении длительного времени Комаров при помощи непрерывных ночных допросов стремился сломить волю Мельник-Соколинской и понудить ее к даче ложных показаний против Жемчужиной.

Непрерывно вызывая Мельник-Соколинскую на допросы как днем, так и ночью, Комаров, однако, ничего не записывал. Как показывает сама Мельник-Соколинская, она была приведена в состояние физической и моральной протрации.

Угрозами расправиться с семьей Мельник-Соколинской Комаров заставил ее подписать так называемый обобщенный протокол допроса, содержащий клеветнические измышления по адресу Жемчужиной. Однако даже содержащиеся в этом протоколе гнусные измышления Комарова по адресу Жемчужиной показали недостаточными Абакумову. С этой целью подсудимому Броверману было дано задание «усилить» протокол и фальсифицировать выводы, якобы вытекавшие из показаний Мельник-Соколинской.

Протоколы с пикантными показаниями о жене Молотова могли быть использованы для зачтения на Политбюро перед снятием давнего сталинского соратника. После такого унижения Вячеслав Михайлович не смог бы оставаться среди вождей, даже если бы к суду его не привлекли. А мог быть и более традиционный вариант расправы с ним: арест – признание – закрытый суд – расстрел. По такой схеме, в частности, расправились с фигурантами «ленинградского дела», а позднее – с членами Еврейского антифашистского комитета. Но в 1949 году Сталин полагал, что выводить Молотова в расход еще рано. И ограничился тем, что в марте 49-го снял Молотова с поста министра иностранных дел и из первых заместителей перевел в просто заместители председателя Совмина. Жемчужину же судить не стали, а решением Особого совещания при МГБ отправили в 5-летнюю ссылку в Кустанайскую область.

Преследования жены Молотова начались после того, как Сталин решил разогнать Еврейский антифашистский комитет. Ранее, в 1947 году, Советский Союз поддерживал создание государства Израиль в Палестине, рассчитывая на то, что удастся оказывать преобладающее политическое влияние на местную элиту, среди которой были популярны социалистические взгляды. Однако вскоре после создания Израиля стало ясно, что новое государство ориентируется на США, а не на СССР, деятельность ЕАК, с точки зрения Сталина, утратила свой смысл. Членам комитета инкриминировали предложение, сделанное еще в феврале 1944 года, о создании в Крыму Еврейской социалистической республики как некой

альтернативе палестинскому Израилю. Тогда советское правительство в идее «Калифорнии в Крыму» видело средство привлечения еврейских капиталов для восстановления советской экономики. С началом же холодной войны в сионистском движении Сталин усмотрел канал влияния буржуазной идеологии и распорядился свернуть деятельность еврейских организаций в СССР. По его приказу Абакумов организовал еще 13 января 1948 года убийство председателя ЕАК великого режиссера и актера Соломона Михоэлса, причем непосредственным исполнителем преступления был заместитель Абакумова генерал-лейтенант С.И. Огольцов. А 20 ноября 1948 года Политбюро одобрило постановление Бюро Совмина, которым Министерству госбезопасности поручалось немедленно распустить ЕАК, поскольку, «как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки». Членов комитета предписывалось пока не арестовывать. Аресты начались в январе 1949-го, когда взяли бывшего начальника Совинформбюро С.А. Лозовского, поэта Исаака Фефера, писателя Переца Маркиша и других членов ЕАК. Дело о «сионистском заговоре» начинал Абакумов, которому удалось выбить из арестованных признательные показания. Однако еще до суда над членами ЕАК Виктора Семеновича арестовали. Дело заканчивал новый министр госбезопасности С.Д. Игнатъев. Последний 24 августа 1951 года жаловался Маленкову и Берии: «Почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности под прикрытием ЕАК». С точки зрения Сталина, Абакумов гораздо хуже, чем покойный Ежов, умел воплощать в жизнь сценарии больших политических процессов. Не хватало фантазии и образования. В результате процесс ЕАК пришлось делать закрытым. Он продолжался необычно долго – с 8 мая по 18 июля 1952 года. Даже всегда послушная Военная Коллегия усомнилась в виновности подсудимых. Ее председатель А.А. Чепцов предложил вернуть дело на доследование, но его заверили наверху, что в Политбюро вопрос решен, и продиктовали приговор: 13 человек – к высшей мере наказания. Только одна из членов ЕАК – академик Л.С. Штерн – отделалась тремя с половиной годами тюрьмы и пятью годами ссылки.

Донос на Абакумова принес старший следователь Следственной части по особо важным делам подполковник госбезопасности Михаил Дмитриевич Рюмин. Писал он его в кабинете заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Семена Денисовича Игнатъева, человека, близкого к Маленкову (по другой версии – в кабинете помощника Маленкова Дмитрия Николаевича Суханова).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.